

ВО СЛАВУ ОТЕЧЕСТВА

ДАЛЕКИЙ СЛЕД ИМПЕРАТОРА

Юрий Торубаров

Юрий Дмитриевич Торубаров
Далекий след императора
Серия «Во славу Отечества»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17100338
Далекий след императора: Вече; 2015

Аннотация

В этом динамичном, захватывающем повествовании известный писатель-историк Юрий Торубаров обращается к далекому прошлому Московского княжества – смерти великого князя Ивана Калиты и началу правления его сына, князя Симеона. Драматические перипетии борьбы против Симеона объединившихся владими́ро-московских князей, не желавших видеть его во главе Московии, обострение отношений с Великим княжеством Литовским, обратившимся к хану Золотой Орды за военной помощью против Москвы, а также неожиданная смерть любимой жены Анастасии – все эти события, и не только, составляют фабулу произведения.

В своем новом романе Юрий Торубаров дает и оригинальную версию происхождения боярского рода Романовых, почти триста лет правивших величайшей империей мира!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	54
Глава 11	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Юрий Торубаров

Далекий след императора

© Торубаров Ю. Д., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Глава 1

Внезапный свист, донесшийся с улицы, заставил вздрогнуть хозяйку дома. Этот звук напоминал птичий напев: «Спать пора! Спать пора!» «Никак твой перепел явился!» – оглянувшись на дочь, с каким-то змеиным шипением произнесла мать. Та, сидя за пряслицей, сучила льняную нить. От этих «ласковых» материнских слов дева вспыхнула красным маком. Резко вскочив, она нервно сунула веретено в пряжу и порхнула к двери.

– Марфа, ты куды? – преграждая ей дорогу, мать встала у двери. – Ты забыла запрет отца? – с угрозой в голосе произнесла она.

Нет, дочь хорошо его помнила. Ее отец, земец, очень гордился своим положением. Он не был еще боярином, но не был и смердом. Его уже никто не мог, как последнего, прогнать с собственной земли. Взять девку от смерда он готов, если будущий тесть при этом не запросит с него хорошего выкупа. А вот дочь отдавать за смерда, даже если тот вдруг предложит солидный выкуп, он ни при каких обстоятельствах не будет. Не доставало еще видеть насмешливые взгляды соседей: «Мол, пообнищал земец! Так-то и надо!» Да еще такую дочь! Одни глаза чего стоят! Да увидь ее боярин... Ха! Ха! Вон, сын старосты ужом около ее вьется. Да и отец его не раз намеки бросал. Конечно, Егор парень видный, не чета этому сопливному недорослю. Рослый здоровяк, пригож собой. Орлиный взгляд – смелый, открытый. Девки, конечно, за ним гулом. Любая побежит, помани он пальцем. Это он чувствовал как мужик, вспоминая свою молодость. Да, был он пригож по всем статьям. Из-за этого и в земцы попал. Никуда не делся папаша его будущей жены. В подоле бы принесла. Дочь пошла в него. Взял бы он, конечно, его, да куды четверых сыновей девать? Парни отмахали под потолочину. Решать надобно. Как тут тяжело не вздохнешь: где ж ему откупного набраться? Одна надежда – за Марфу взять. Баба было насела на него:

– Дочка-то перерезет! Может, а?...».

Он тогда вспылил:

– Не хочу, чтобы моя дочь... да еще такая! Да по миру пошла. Кто такой смерд? – спросил он, глядя на свою Ульяну. Да так, что та даже присела. А он, довольный, продолжил: – Да он хуже раба. За того хоть хозяин застеняет. А за его кто? И ты у меня... смотри! – Он грозно погрозил пальцем.

Прошло время. Как-то Ульяна на дороге встретила нечаянно с Прасковьей, матерью Егора. Она попыталась проскользнуть мимо, да та остановила:

– Ты чей-то, Ульянушка, мимо бежишь? Никак возгордилась. Аль забыла, чья ты подружка была? Да и кумушки мы с тобой – Ну куда той деваться? Пришлось остановиться. Не хватало, чтобы потом по людям глас пошел, что, мол, Ульяна заспесивилась.

– Ничего я не забыла, – Ульяна затеребила платок, – просто... скоро должны мои вернуться, обед варить надобно. Жеромы они у меня ой какие. Да Федора мойво ты знаешь.

– Все мужики одинаковые. А времечко-то еще есть, – Прасковья взглянула на солнце, оно еще не очень высоко оторвалось от земли, и лукаво посмотрела на подружку.

Та намек поняла.

– Ну, как у тя телушка-то растеть?

– Растеть, куды ей деваться! А у тя?

Разговор явно не клеился, был каким-то натянутым, но торопливо прошмыгнула мимо Марфа.

– Здравы будьте, тетуся Прасковья, – сказав, дева стыдливо опустила голову, слегка покраснела.

Горячо зыркнув глазищами, она заторопилась, словно ее кто-то хотел остановить.

– Ой, краса така! – Прасковья произнесла эти слова сладким голосом. – Ой, кума, глаз за ней нужен. Глаз. Смотри.... Замуж ей пора.

Мать машинально посмотрела вслед удаляющейся дочери. Тяжело вздохнула.

– А ты не вздыхай, чем мой Ягор плох? А? Девки ему проходу не дают. А он... нет. Марфа, чую, в его сердце вошла. И че бы нам их не поженить? А?

Ульяна опустила голову, искоса взглянула на бывшую подругу.

– А, понятно. Федор твой... того... как же, земец! А давно он им стал? Да если бы не... Ну, ладно. Мой Ягор, може, еще и боярином будить. Вон он каков!

Ульяна молчала.

– Чего молчишь? Аль Федора боишься? Дак, ты... держи в руках мужика. Пуцай попробует у меня Яван слово противу сказать, так я б его...

Она не стала дальше продолжать, а как-то полупрезрительно взглянула на Ульяну. Баба такого выдержать не могла.

– Ладноть, – выдавила она из себя, – посылай сватов.

Она давно была за такое решение. Егор ей был по душе. Да кто нас, баб, спрашивает? Цыкнет мужик, а то и вожжами отходит. И на этом... конец.

Вернулась Ульяна домой, а на душе словно кошки нагадили. Вырвалось как-то это согласие. А что дальше? И попробовала она пустить в «дело» всю свою женскую хитрость и ласку. Вечером, подсев к мужу, голосом запела ему на ушко, не желает ли он кружечку бражки аль медовухи. Привстал Федор с лежания. Не поймет, чо это с бабой. Раньше с устатку – и то со скрипом наливала. А щас... на тебе.

– Че ето ты така добра? Аль че надоть? Так говори.

– Федотушка, – она пододвинулась поближе, руку на его плечо положила, – да я... того, – сказала и замолчала. Боязно стало.

– Ну, че, говори, – он пятерней прошелся по всклокоченным волосам, расправил усы.

– Да я щас, принесу.

– Ну, неси.

Она шустро спустилась в подвал и вернулась оттуда со жбаном в руке. Взяв с полки братину, подсела к мужу.

– Держи! – и подала ему братину.

Тот, ничего не понимая, посмотрел на сосуд, потом на жену.

– Лей, – видя ее нерешительность, подтолкнул он.

Федор почти залпом выпил две братины. Хотел было и третью. Но жена поставила жбан на пол. Тот, расправив омоченные усы, произнес ласково:

– Ну, сказывай!

Такое обращение ее вдохновило.

– Федотушка! – стараясь произнести его имя как можно ласковее, начала она разговор. – Марфуша у нас стала видной девицей.

– Это так! – не без гордости произнес он, как бы намекая, на кого она похожа.

– Дак... того... пора ей и в замужество.

– А че, жених есть? – как-то быстро произнес он, глядя на супругу.

– Есть.

– Кто ж?

– Ой, парень хоть куды. Девки к нему, как пчелы на мед. А он... ни... Марфуша наша ему по душе. Да и она... на его заглядывается.

– Уж не Егор ли? – отодвигаясь, спросил он.

От его строгого, грозного тона ей стало не по себе. Но, еще на что-то надеясь, робко произнесла:

– Ен!

Лицо Федора исказилось в гневе. Стало страшным, злым, отталкивающим.

– Да я... я... – он стал задыхаться, глаза его бешено забегали по комнатухе, ища что-то подходящее.

Ничего не найдя, он пустил в ход кулак. Как она увернулась от удара, одному Богу известно.

Вскочив, словно кто-то ее подбросил, она юркнула в приспешную. Засов танцевал от его ударов, как юный цыганенок, выклянчивая у прохожего милостыню. Она с мольбой смотрела на эту деревяшку. И та победила. Когда человек выбился из сил, деревяшка спокойно легла на место. Ульяна еще долго не выходила из своего убежища. Наконец Федор позвал ее. Его голос был уже не таким грозным. Она открыла дверь.

– Собирай на стол, – приказал он.

Уже сидя за столом, уписывая нехитрую снедь и строго глядя на Ульяну, он произнес:

– Еще раз услышу... – и погрозил кулачищем, – и ей скажи, чтоб не заикалась.

Ульяна поняла, что тот имел в виду Марфушу.

И вот этот свист. Дочь ловко нырнула под ее руку, дверь скрипнула и Марфу только видели.

– Ты смотри... недолго! – только и успела крикнуть мать вдогонку.

И вот он, кустище боярышника, разросшийся так, что издали его можно было принять и за стожок сена. Плотненький, округленный, с овальной верхушкой. Главные его достоинства были в том, что рос он недалеко от Марфиного дома, а внутри было незаросшее пятно, куда Егор притащил колоду, и они, сидя на ней, прятались там от глаз людских.

Он уже знал о случившемся, мать рассказала. Как та успела об этом узнать, одному Богу известно, и ему хотелось услышать от самой Марфы ее решение. Сам он считал, что спасение в одном: он должен ее похитить, как это было у их предков. Но вот согласится ли она на это?

Она явилась без промедления. Это уже подало парню надежду. Но в разговоре с ней, к ужасу для себя, он услышал, что бежать она не будет, как и выходить замуж без благословения родителей.

– Я боюсь, – призналась она, – что со мной может случиться то, что и с Ольгой.

Село хорошо помнило, как та бежала со своим возлюбленным, когда ее родители хотели отдать дочь за другого. Вскоре ее нашли в лесу разодранной ломыгой. Как она туда попала и куда делся ее похититель, осталось тайной. Но все, особенно бабы, твердили, к чему приводит самовольство. Без благословения родителей всех ждут подобные несчастья. Трудно, конечно, девушкам после такой обработки было решиться на что-то подобное. Как ни убеждал ее Егор, что это дело случая, она ничего не хотела признавать. Он даже решил подарить ей свой любимый ножичек, награду одного боярина за то, что Егор остановил, рискуя своей жизнью, бешено мчавшихся, запряженных в повозку лошадей. В ней сидел барин. И если б не этот парень, душа боярина улетела бы на небо. Ножичек был дорогой, тонкой работы и выглядел довольно женственно. Рукоять из черного дерева была украшена мелкими бриллиантами. А расписное лезвие! Егор знал, что ножичек нравится Марфе. И хотя она его не просила, но глаза ее сами обо всем говорили. И он решил смягчить ее сердце – подарить этот ножичек. Она с удовольствием его взяла и спрятала на груди со словами: «Это будет моей самой дорогой вещью». Егор на мгновение почувствовал ее своей. Но она тотчас охладила его, сказав: «Но все равно только с согласия родителей». Что на него нашло, но он вскочил и воскликнул: «Не хочешь добром, забери силой. Я без тебя не могу», – и схватил ее на руки. Как у ней вырвалось это громкое: «Матушка!», она не знает, как-то произвольно, скорее всего от довлевшего над ней страха перед отцом. Мать, выследившая их тайник, на этот раз ринулась за дочерью, чтобы подслушивать их разговор. И когда она

услышала голос дочери, не нашла ничего лучшего, как крикнуть сыновей. Проучить незваного жениха у братьев давно была охота. А тут и мать к тому же. Как тут не постараться?

Новгородский боярин Осип Захарович, коренастый мужик, тяжело выбрался из повозки. Потирая онемевшую за сто тридцать верст с гаком проселочной дороги спину, побрякивая, направился к воротам. А по селу пролетело: «Боярин приехал». Кто опечалился: оброк собирать! А кто и обрадовался: пусть-ка судит да рассудит.

В этот день боярин никого не принимал. Надо было отдышаться с дороги. Ожидавшим селянам его служба объявил: «Завтра, завтра». Назавтра первой явилась Ульяна. Хоромы боярина выглядели старо. Могучие бревна, из которых они были сложены, за долгий свой век почернели. Здание просело и слегка накренилось. Но внутри оно выглядело довольно добротно. Да и проживать там было удобно. Толстые бревна летом не пропускали тепло, а зимой холод. Вот и сейчас, когда за окном стояла нестерпимая жара, внутри была спасительная прохлада.

После такого променада боярин спал как убитый. Проснувшись, он еще понежился на пуховой перине, но, почувствовав голод, сбросил босые ноги на пол. Широкие дубовые половицы одарили его прохладой. Он прошлепал по ним до угла, где стояла бадья с холодной водой. Над ней, на стене, висел корчик. Он снял его, почерпнул водицу и, наклонившись над ветловым корытцем, обдал лицо, а второй вылил на спину. Утиральником обтерся и, накинув рубаху, двинул в застольню. Там его уже ждал накрытый стол. Отведав грибочков, жаренного в сметане карпа, обсосав ребрышки молодого кабанчика и запив холодным хреновым квасом, боярин, сытно рыгнув, направился в горницу для разбора накопившихся у селян жалоб.

Когда он вошел, то увидел, что там его дожидалась пока только одна женщина. Он про себя усмехнулся, подметив, что она тщательно принарядилась. На ней был цветастый сарафан и поверх шугай. На голове платок, нависший над глазами и прятавший ее подбородок.

– Это ты, Ульяна, – хозяин не то спросил, не то утвердительно произнес.

– Я! Я! – залепетала она от счастья, что он ее узнал. – Да вот пришла к те, наш спаситель и милостивый господин, – она поклонилась ему несколько раз, – може, я в чем-то не права, но рассуди и заступись за бедную.

– Ну, уж и бедная, – улыбнувшись одной стороной лица, сказал барин, садясь в старое потертое кресло, на высокой спинке которого некогда красовался какой-то зверюга, сочетающий в себе львиную гриву, пасть медведя, а тело скорее рыси. – Щас, подожди, – сказал он, потряхнув русыми, стриженными в кружок, волосами. – Эй!

Дверь приоткрылась и просунулась головенка какого-то пацана.

– Скажи Гришке, пуцай идет.

Головенка исчезла. Вскоре зашел со взлохмаченными волосами и в расстегнутой до пупа рубахе моложавый мужичишка. В руках бумага, гусиное перо и сосудик с булькающей жидкостью. Он гордился тем, что сам ее готовил из сажи, яиц и глины. Упавшие космы обнажили плешину во всю голову. Она была у него удлиненной, с двумя макушками. Поставив свое добро на стол, он привычным движением рук забросил космы на плешину. Только после этого посмотрел на просительницу. Глаза у него были умные, уши большие. Умел быстро принимать нужные для хозяина решения. За это тот его ценил.

– Садись, – кивком головы боярин показал ему на ослон.

Григорий был у него всем: и писарчуком, и казначеем, и лекарем. Был честен, неподкупен. Но была и одна слабость: любил крепкое. Все равно какое: бражка, медок. Боярин прощал бедного пропойцу за его другие качества. Сколько раз, правда, и прогонял. Для острастки. Но замены найти не мог и возвращал. Тот каялся, клялся, что больше не будет пить. Но....

- Че у тебя? – боярин посмотрел на Ульяну.
- Батюшка, кормилец ты наш, спаситель....
- Хватит! – грубовато остановил он ее. – Зачем пришла?
- А... да вот. Моих дитятев... чуть етот аспид... изувечил.
- А где они? – вставил Григорий, глядя в окно.

Боярин намек своего служки понял.

- Да, где они?
- Щас! – Ульяна, чуть приподняв подол, ринулась к двери.

Вскоре за ней вошли дитяти. В дверном проеме им пришлось наклонить головы.

Первый, видать, старший, был с перевязанной щекой. У второго подвязана рука не совсем чистой тряпицей. Третий был с костылем. А четвертый... У него был такой фингал, что закрывал весь глаз. Глядя на эту команду, боярин не мог сдержатъ смеха.

- Дитяти! – смеясь и показывая на них пальцем, он смотрел на Григория.

И тот не мог сдержатъ смеха. Отсмеявшись, спросил:

- Так сколько их было, этих аспидов?
- Да один! – надрывным, слезным голосом ответила Ульяна.

Боярин переглянулся с писарчуком.

- Один! – не без удивления переспросил Осип.
- Да, один – повторила она.
- За что?

- Да... етот аспид... Ягор хотел лишитъ дочку мою, Марфу, невинности.
- Невинности?
- Да, да... вот те крест! – Ульяна взмахнула рукой, но креститься не стала.

- Где твоя... как ее?
- Че... привести? – Ульяна смотрит на боярина.
- Приведи, – кивнул тот головой.

Вскоре она привела дочь. Та вошла робко, с низко склоненной головой, отчего коса упала и едва не волочилась по полу. Когда они подошли, боярин приказал:

- А ну, красавица, подыми-ка голову. Глаза твои хочу видеть.

Марфа, подняв голову, так и прожгла боярина своими глазищами. Тот даже заерзал в кресле. А в голове зазвенело: «Хороша девка! Хороша!» Посуrowив, он спросил глуховатым голосом:

- Скажи, мать правду сказала, что тот аспид... как его...
- Да Егор, – подсказал писарчук.
- Егор, правда, хотел лишитъ тебя... чести?

– Кто... Егор? – дочь посмотрела на мать. – Да чтоб Егор... матушка.... Да ты не права! – Марфа зарыдала.

Плач ее был такой искренний, такой сердечный, что боярин не выдержал и приказал:

- Ты, Ульяна, отведи ее! – сказав, он посмотрел на Григория.
- Пуцай приведут аспид! – не без улыбки сказал Григорий.

А дома у Прасковьи беда. Егор второй день не поднимался с постели. «Хворый, что ли?» – думает мать. Но сколько она ни прикладывала ладонь ему на лоб, тот был холодный. Если Прасковья начинала его расспрашивать, в ответ слышала одно:

- Отстань, матушка!

Походит, походит мать вокруг – и опять к Егору. И опять тот же ответ. Не выдержала – и к Ивану, который шил хомут.

- Да я – то че... зови Милантию.

Милантия, древняя старуха, на селе слыла как лучшая знахарка.

- Да, наверно, пойду. Ты не против, ежели ей курицу дам?

– Ту, которая плохо несется, – ответил Иван, шилом прокалывая очередную дырку. Но до знахарки дело не дошло. С боярского двора прибежал холоп и потребовал, чтобы Егор срочно шел к боярину.

– К боярину?! – не без испуга спросила Прасковья. – Зачем?

Тот только пожал плечами.

– Слышь, Яван, Егора к боярину кличут!

– Слышу! – он снял с колен недошитый хомут и отложил его в сторону.

Отряхнув портки, поднялся. Подойдя к Егору, повернул его к себе.

– Ты че натворил? – грозно спросил отец.

– Да ниче... батяня! С чего это ты взял.

– С чего. С чего, – передразнил тот, – пошто ты к боярину кличут?

– Мня... к боярину? – словно проснувшись, спросил сын.

– Нет... мня! – с раздражением буркнул отец и добавил: – Пошли! Да живей.

– Входи, входи, аспид! – проговорил Осип Захарович с любопытством глядя на входящего парня.

Стоило ему сделать несколько шагов, как он влюбил в себя боярина. Высок, худощав, широкоплеч – все говорило о его недюжинной силе, ловкости. Мужественное лицо, смелый, не без дерзости взгляд. Да, теперь понятно, почему Марфа пошла противу матери.

– Это ты их? – спросил он у подошедшего Егора, кивая в сторону братьев.

Тот не стал отпираться:

– Я! – не без вызова ответил парень.

– Ты знаешь, что за это положено?

Егор отрицательно покачал головой и сказал:

– Это они на мня напали.

– Ишь, ты! На тебя напали! Они вон какие, – боярин посмотрел в сторону братьев, – а на тебе даже царапины нету!

– Есть. Шишка! – Егор склонил голову и показал пальцем на шишку, прикрытую вьющимися густыми волосами.

Боярин рассмеялся:

– Ишь ты, шишка! А вон у того верзилы, глянь.

Егор повернулся.

– Вишь, как челюсь отвисла. Да ен месяц жрать не будет.

– Не будет, не будет, – встряла Ульяна, – это ты, асп...

– Замолчь! – рявкнул боярин. – Григорий, – официальным тоном обратился он к писарчуку, – что же положено за это преступление?

Тот полистал какие-то страницы и, прищулив глаза, ответил со вздохом:

– Тридцать рублей!

– Тридцать рублей? – раздался чей-то с надрывом голос.

Все повернули головы. Никто не заметил, как вошел Иван. Он упал на колени и пополз к боярину.

– Господин ты наш, прости. Да и где я возьму тридцать рублей? Я и рубля в глаза не видел. Прости! Не губи христианские души! – он ткнулся лбом в пол.

– Ладно! Так и быть. Ты, Егор, – он повернул голову в сторону парня, – поедешь со мной, в Новгород. Там ты отработаешь.

– Я, в Новгород? – вырвалось у Егора.

– Поедешь, мил господин, поедешь, – завопил от радости отец, – и те, боярин, наш низкий поклон, – Иван опять лбом бьет половицу, – за твою доброту! Да хранит тя Господь!

– Идите! Сына к отъезду собирать! Гриш, дашь рупь этим, – он кивнул на братьев, – пущай у Милантии полечутся.

Иван, проходя мимо Ульяны, чтоб не видел боярин, показал ей кукиш и прошептал: – Змеюка!

– Ты сам змей! – так же тихо ответила кума и состроила рожицу.

А вечером дома у Марфы загорелся такой сыр-бор, что впору было бежать из дому. Когда вернулся вечером Федор и узнал о случившемся, он ринулся на Марфину половину. И точно бы изувечил дочь, если бы не мать. На нее как-то подействовал недавний разговор с кумой. Мать встала ему на пути:

– Уймись! Не тронь! – заорала она.

Но Федор, как котенка, отшвырнул ее в сторону. Тогда Ульяна в горячке выхватила из ступы пест и так прошлась им по спине муженька, что тот, как сноп, упал к ее ногам.

– Еще шаг, – взревела она, – убью!

Федор свою Ульяну такой еще не видел. Когда она угрожающе взмахнула, муж поднял руку и стал отползать в сторону со словами:

– Ты че? Ты че?

Оказавшись на безопасном расстоянии, он поднялся и направился к двери. Прежде чем ее открыть, повернулся к Ульяне и зло бросил:

– Отдам за Прокла!

Муж это сказал таким тоном, что Ульяна поняла: здесь он не отступит. Прокл был сопливым сыном старосты. Это была просто месть. Месть жене за то, что она подняла на него руку. Такое в жизни бывает. Помутившиеся на миг мозги делали детей несчастными на всю жизнь. Потом, когда все вставало на свое место, поправить что-либо было поздно. Сам потом мучился остаток своей жизни. Но что упало....

Глава 2

Давно это было. Очень давно. Все описания того времени превратились в прах. Что сгорело, что сопрело, что разбито, что зарыто. Но не надо отчаиваться. Все может быть. Будет какой-нибудь любитель сельской жизни обустраивать свое жилье-былье, начнет копать, чтоб деревце посадить, баньку сладить... и, бах – его заступ наткнется на что-то твердое. Кто-то, выругавшись, бросит копать, уйдет на другое место, а кто-то захочет продолжать копать и дальше. И отроет он каменную плиту. Позовет соседа. Вместе они ее достанут. Увидят, что это не просто плита, а могильная и с какими-то знаками. Под ней скелет сохранился. Почешут затылок: что делать? Могут решить и так: они не убивали, никого не хоронили. А банька нужна. Извлекут кости и выбросят где-нибудь в лесу. А плиту разобьют, чтоб никто не узнал о находке и не мешал докапывать траншею под фундамент.

А может быть и другое. Позовут ученых, те и прочитают, что здесь покоится прах древнего короля пруссов Вейдевута. «Кто такой?» – заинтересуется копатель. А если будет упрям, узнает он следующее. Да, был когда-то и правил в этих местах прусский король Прутено. Тогда короли были не такие, как сейчас. Им самим подчас приходилось о себе заботиться.

Снарядился король на охоту. Долго бродил он по лесам. Но куда подевалась вся живность, одному Тору известно. Уж решил он возвращаться. Вышел из лесу на полянку. Глянул, а там такой красавец-тур спокойно пощипывает травку, что аж пот пробил короля. Копье на изготовье. Заходит слева, чтоб наверняка поразить в сердце.

Все вроде получилось. Ан нет! Взревел бычина, бросился на короля с такой яростью, что еще мгновение – и висеть его королевскому высочеству на рогах животного. Но король был ловок. Успел увернуться. Тур не стал больше покушаться на человека, а решил подальше от него уйти. Но человек был упрям. Да и добычу терять не хотелось. Пошел за зверем. И так увлекся, что не заметил опасного болотца. Да и трудно было его заметить. Сверху травяной плывун прикрыл водную гладь. Тут-то и провалился в него Прутено по самую шею. Первое мгновение король не почувствовал никакой опасности. Оперся на траву. Но она вдруг ушла под воду. Тогда решил добраться до земли. Но увязли ноги, не мог их вытащить, как ни бился. А между тем он погружался все глубже и глубже. «Что делать?» – сердце его забилося в тревоге. Король вдруг ощутил всю меру опасности. Осмотревшись, заметил, что над ним склоняются зеленые ветлы. Попытался дотянуться до них рукой. Ему даже удалось это сделать. Но, наверное, от радости он сильно дернул ветку, и ее тонкие нити оборвались. Как он ни старался, но достать ветви не мог. Между тем продолжал медленно погружаться в трясину. И тут он почувствовал, что его смерть неизбежна. О, как жаль уходить в таком возрасте! Да и что будет с его королевством? Ему с таким трудом удалось объединить пруссов. Теперь не они были добычей их врагов, а те сами стали опасаться набравших силу, объединенных соседей. Неужели все уйдет прахом? И как хочется жить! Жить!

– Господи, – взмолился он, – услышь меня! Помоги! Если свершишь чудо, буду твоим рабом!

И... чудо свершилось. Оно пришло в виде огромного мошника, пожелавшего опуститься на эту ветвь. Под его тяжестью она согнулась. И, уже захлебываясь, Прутено схватился за спасительную ветвь.

Вернулся, и, собрав вождей племен, отметил свое спасение широким застольем, которое растянулось на несколько дней. За ним-то его вожди, под действием хмельного, возгорелись желанием «навестить» соседей-литовцев. Против был только его брат Вейдевут. Он был женат на литовке и у него с соседями сложились дружеские отношения. Но его голос потонул в могучем воинственном вое вождей. Это подогрело короля, и он, махнув рукой, дал «добро».

Большой отряд пруссов двинулся на Литву. Внезапность нападения сулила им хорошую добычу. Но как они просчитались! Литовцы встретили их! Неужели кто-то предал? Но поздно думать об этом. Надо сражаться. Сеча была ужасной. Несмотря на храбрость и отвагу пруссов, сдвинуть с места литовцев не удавалось. Так их застигла ночь. Битва отложена до следующего дня. А среди ночи вдруг поднялся такой ураган, что даже взрослому стало страшно. Ветер вырывал с корнем деревья, валил с ног людей. Напуганные кони разбежались. Рядом с головой короля, едва не задев его, упало дерево. Он чудом остался жив. И вдруг он понял, это Всевышний напоминает ему о так быстро забытых обещаниях. Поутру, собрав людей, он приказал им возвращаться назад. После такой кошмарной ночи никто не пытался оспорить его решение.

Вернувшись к себе, король не поехал в свое дворище, а направил коня в глубь леса, где было их капище. Там он встретился с верховным жрецом, посредником между богом и людьми. Это был старец весьма преклонных лет. Он возлежал на лежанке, устланной мягкими шкурами. Оконце, выходившее в лес, света почти не давало. Поэтому на стене висел светильник, который сносно освещал жилье.

При виде вошедшего короля жрец сделал попытку подняться. Но от бессилия упал на лежак. Вскочил рядом сидевший жрец-лигушон, помог старцу подняться и одеться в традиционную для такого случая одежду: в длинную серую туннику, обшитую белой тесьмой, застегнутую белым шнурком, внизу украшенную кистями из бычьих хвостов. Подошедший король опустил перед ним на колени.

– Тебе надо выполнить свой обет, – еле слышно проскрипел старец, – я скоро уйду к богам, – он повернулся в сторону.

Тут только король заметил, что там стоял Тор с золотой головкой и золотыми пальцами.

– Он меня позвал. А ты, – он ткнул сухим, как зимняя ветка, пальцем в его грудь, – ступай прочь и... приходи. Он, – жрец кивнул на божка, – хочет видеть тебя на моем месте.

Король не сказал ни слова, поднялся и вышел. Вернувшись к себе, король вновь расслал гонцов, чтобы позвать всех вождей. На этот раз для объявления важного решения.

Ворота королевского двора открыты. Он забит до отказа. В первых рядах – вожди. Суровые обветренные лица, как маски, безлики. Кажется, их несколько не тревожит, зачем собрали. Они знали одно: чтобы ни произошло, главная их опора – меч. И они стоят, широко расставив ноги, в тяжелых сапогах, положив обветренные руки на рукоять своего оружия.

Король не заставил себя ждать. Когда он появился, его не сразу узнали. Белый клобук на голове, на плечах белый до земли плащ. На груди, на золотой цепи, огромный кабаньий клык. Такой вид Прутено заставил вождей заговорить меж собой. Да и толпа загудела, почувствовав неладное. Король приходился им по душе. Он защитил их от набегов, а его походы почти всегда приносили удачу. Гул усиливался, и король поднял обе руки. Вскоре воцарилась тишина. И послышался твердый, властный голос короля, который столько раз призывал их на борьбу.

– Братья мои! – многим показалось, что его голос даже слегка дрогнул. – Великий Тор призывает к себе нашего великого жреца. И он, как велит небо, возлагает на меня свои тяжкие обязанности. Бог спас мне жизнь, и я дал ему обет быть его рабом. Да воздадим ему должное! – он поднял руки и задрал голову, словно там, в голубом и прозрачном небе, хотел увидеть того, кто один властен распоряжаться его судьбой.

Тоже сделала и толпа. К ней присоединились все вожди: «Криве! Криве!». Их голоса слились воедино и громом, пугая ворон, разнеслись по округе.

Выбор богов был одобрен людьми. И настала пора узнать, кто же будет служить им.

– Король! Король! Кто будет королем? – загудела толпа.

Верховный жрец, а все уже стали считать его таким, поднял руки.

– Я видел сегодня сон, как старец с золотой головой, – все поняли, о ком идет речь, – подвел ко мне... – жрец замолчал.

Замолчала и толпа. Потом с задних рядов раздался чей-то нерешительный голос:

– Вейдегут!

– Вейдегут! – подхватило несколько голосов. И вдруг раздался чей-то громовой голос, который перекрыл толпу:

– Нет!

Вперед вышел рослый плечистый вождь Почево.

– Нет! – повторил он и топнул ногой.

– Почево! Говори! – заорала толпа.

– Он женат на литовке!

Из толпы вышел прусс. Если протестующий вождь был высоким и здоровым, то этот на голову выше, а в плечах в два раза шире. С таким особо не поспоришь, глядя на его, с детскую голову, кулачищи.

– Ха! Женат на литовке. Ну и что? У меня жена – тоже литовка. Ну и что? Да таких здесь... а ну, откликнитесь! – пробасил он так, что вороны вновь от испуга слетели с деревьев.

В ответ раздался веселый гул.

– Слышал? – он повернулся к Почево, а потом обратился к толпе, – я за Вейдегута. Он умен! И храбр. Лично знаю. Придет к нам беда, мы с литовцами вместе будем ее отражать.

– А если к ним? – рассмеялся кто-то.

– Тоже!

– А дань будем собирать? – последнее слово из-за поднявшегося смеха еле расслышали.

Когда смех улегся сам собой, прусс повернулся к верховному жрецу:

– Прутено! Ты стал нашим духовным властелином, так скажи, кого к тебе подвел старец?

Толпа замерла в тревожном ожидании. И все услышали имя того, кто с этого мгновения станет их государем.

– Он подвел Вейдегута.

Воздух огласился радостными криками. Вейдегут стал королем. Как было услышано имя нового короля, Почево, разрезая толпу, словно нож масло, поспешил к воротам. Но ни одна голова не повернулась ему вслед.

В годы своего правления Вейдегут надежды брата, как и народа, оправдал. Он оказался человеком предусмотрительным, дальновидным, а поэтому его никто не мог застать врасплох. Тонко разбираясь в политике соседей, используя их слабости, прочно держал всех в повиновении. Но и он совершил роковую ошибку. У него было двенадцать сыновей. Чувствуя приближение своей кончины, король никак не мог решить, что сделать с королевством: оставить кого-то из сыновей на месте короля, но тут же перед ним вставали лица других его детей. Что они скажут об отце, не будут ли слать ему проклятия? И выбор был сделан.

Пруссия была разделена на двенадцать частей. Не все они меж собой жили дружно. Только один из них, Недрон, получивший самоштские земли, старался как-то всех объединить. Тем более что внезапно под их боком возникла неожиданная опасность. Появился немецкий орден меченосцев. За ним другой – орден тамплиеров. Это были воинственные и дерзкие люди. Пока они действовали разрозненно, пруссам как-то удавалось сдерживать их натиск. Хотя отступать приходилось. Порой, услышав разумный голос Недрона, временно объединившись, братьям удавалось потеснить завоевателей.

Но у врага появился умный магистр Волковин, который через Папу Григория IX стал добиваться объединения с Тевтонским орденом. Тевтонцы, чувствуя свое превосходство, этого не хотели. Но куда деться, если состоялось решение папы. Правда, к этому времени

магистр меченосцев Волковин погиб, и общим магистром стал Герман Балк. Умный и хитрый правитель вмиг оценил прусскую слабость. Он умело стал разжигать вражду между многочисленными прусскими правителями.

Дела у пруссов покатались под гору. И только Недрон какое-то время, миря прусских вождей и опираясь на помощь литовцев, держался. Тогда рыцари придумали одну хитрость, чтобы устранить препятствие на пути окончательного покорения Пруссии. Они решили изнутри напасть на литовцев, чтобы подорвать их мощь, после чего они уже не смогут прийти на помощь пруссам. Для этого они построили на Немане огромную барку. Она представляла собой что-то в виде плавучего острова.

Узнав об этом, к Балку явился Дивон, сын Недрона, и предложил себя в качестве речного проводника. Рыцари, не имевшие никогда дела с речным плаванием, весьма обрадовались такой помощи, пообещав ему хорошо заплатить. Все же, не очень доверяя, они установили за ним наблюдение.

Прошло несколько дней. Его поведение рассеяло все сомнения немцев. И они сняли наблюдение. А на следующую ночь сильный удар повалил безмятежно спавших рыцарей на пол. Ничего не понимая, они повыскакивали на палубу. Каково же было их удивление, когда они заметили, что барка стоит на мели. Разъяренные, они кинулись искать проводника, но того нигде не было. А с рассветом на них напали литовцы и пруссы. Так печально окончился этот поход. Немцы, ближайшие соседи, решили помочь рыцарям, ибо их намерения отвечали интересам Римской империи.

И вот в ливонский замок прибыли маркграф Бранденбургский, граф Геннебергский и граф Намурский, приведя с собой многочисленное войско. Они решили проучить литовцев, воспользовавшись тем, что великий Литовский князь Гедимин увел войска на юг. Своей целью они выбрали небольшой городок Пунэ, которым правил князь Маргер. Он был опытным военачальником и понимал ту возросшую опасность, которая появилась с уходом Гедимина. Поэтому пригласил к себе наиболее доверенных людей и поделился с ними своими опасениями. Он предложил позвать на помощь пруссов. Доверенные поддержали его. Маргер оказался прав. Его посланцы вовремя заметили опасность. На помощь от пруссов отозвался один Дивон.

Рыцари, чтобы скрытно подойти к цели, разбились на три колонны. Но все было бесполезно. Вовремя оповещенные, все окрестные жители, а их было более четырех тысяч, с женами и детьми, к огромному удивлению магистра, успели укрыться в крепости.

— Как прознали язычники о нашем появлении? — бесило его.

Не знал он того, что на помощь пришли пруссы, к сожалению, незначительная их часть. Но зато какая! Дивон прислал двух своих сыновей: Руссингена и Гланда Камбила. Правда, людишек с ними было маловато. Едва две сотни наберется. Но Маргер и этому был несказанно рад. Да и у его людей появление этих смельчаков вызвал подъем настроения: «Ни одни!»

Тишина. Даже птицы в лесу перестали щебетать. Все литовское воинство на крепостной стене. Все с напряжением всматриваются вдаль. У многих еще теплится надежда: а вдруг не к нам, пройдут мимо. Похоже, их надежда оправдывается. О, нет! Доносится глас трубы, и на дороге появляется рыцарское воинство. Выстроено по всем правилам воинского искусства. Впереди — лучники в легких панцирах. В руках огромные луки. К поясу подвешены несколько колчанов со стрелами. За ними стенобитные машины. А уж дальше — само рыцарское воинство.

Маргер — воин, выше среднего роста, плечистый. На щеках — шрамы, говорящие о его боевой деятельности. Шлем надвинут до самых глаз. Взгляд спокойный. Не впервой вот так ему встречать врага. И только чуть дрожащая рука, поглаживающая светлорыжую бороду,

говорит о том, что и железный предводитель слегка волнуется. Он поворачивается к рядом стоявшему Гланду Камбиле:

– Ишь, как на глядинах, – с ехидством проговорил он.

Потом спросил:

– Не страшно?

Камбила неопределенно пожал плечами и, показывая рукой на стенобитные машины, сказал:

– А что это за чудо такое?

– Это стенобойки.

– Стены, что ли, будут бить? – не без удивления переспросил Камбила.

Князь усмехнулся, в голове промелькнуло: «Молод еще!..» Потом кивнул.

– Только мы попробуем им помешать. Норил, – обратился он к рядом стоящему воину, – прикажи готовить смолу.

Сбоку и сзади враз раздались голоса:

– Тевтонцы!

То выступали из лесу две, чуть приотставшие колонны.

На удивление осажденных, враг стал сходу готовиться к штурму. Стрелки, вытянувшись в цепь, начали обстрел. Появились первые жертвы. Лицо Гланда побелело, когда он увидел, как рядом стоящему литовцу стрела попала между кольчугой и подбородком. Кровь брызнула во все стороны. Воин упал, страшно захрапел, судорожно хватаясь руками за горло. Потом затих.

– Сбросьте его вниз! – жестко приказал князь.

Боевая обстановка входила в жизнь. Гланд как бы очнулся и стал, как другие, прятаться за стену.

– Тащат, тащат, – раздались крики.

– Эй, лучники, чего спите? – заорал князь. – Лук! – приказал он.

– Князю лук! – понеслось по рядам.

Вскоре ему подали лук и колчан со стрелами. Приготовив оружие, князь приподнялся над стеной и спустил тетиву. Какой-то тевтонец, возившийся у стенобойки, упал на землю.

– Вот это князь! – не удержался кто-то от восхищения.

Примером послужил выстрел Маргера. Литовцы осыпали орденцев стрелами. Те побросали машины и убежали к лесу.

У Камбилы мелькнула мысль.

– Князь! – заорал он, – дай людей.

Князь понял намерение прусса.

– Норил! – Маргер увидел вернувшегося воина. – Давай с пруссом.

Гланд кубарем скатился со стены, за ним несколько десятков литовцев.

– Открывай! – заорал он, подбежав к воротам.

Воины не поняли и стали смотреть вверх, где находился Маргер.

– Князь! – на весь Пунэ раздался голос Камбилы.

Тот понял, ударил себя по голове и перевесился через перила, приказал открыть ворота.

– И следите, когда те будут возвращаться.

Эта выходка имела успех. Часть машин была испорчена, прежде чем опомнившиеся тевтонцы бросили для спасения отряд рыцарей. Камбила, а он взял на себя командование, хотя это получилось как-то произвольно, отбил рыцарей и приказал отступить в крепость. Пруссы себя здорово показали. Маргер подошел к Камбиле и обнял его.

– Будь мне братом! – сказал он.

Да, в такое время такие слова многого стоят. Магистр, яростно ругаясь, приказал рыцарям готовиться к штурму.

Несколько дней тевтонцы пытались взять штурмом крепость. Но безуспешно. Лицо магистра позеленело: «Что делать?». Это понял граф Намурский.

– Раз так, – сказал он, – их надо сжечь!

Как просто и как здорово... Что тут хитрого: вся крепость, от стены до последней избенки, была деревянной. Магистра нельзя было узнать. Лицо его посерело. Как же он сам не додумался до такого?

– Готовьте паклю, горючий состав и стрелы! – отдал он приказ.

Когда Маргер увидел, как первая стрела, оставляя тонкий, дымный след, пронеслась над его головой, он понял – это конец!

Вскоре небо было испещрено огненным сиянием. Как ни старались литовцы, но справиться с огнем они не могли. Не сговариваясь, все сошлись на площади.

– Князь! Князь! – потребовали литовцы своего вожака.

Он шел с грозно сдвинутыми бровями, что делало его лицо решительным и властным.

Когда дошел до середины, остановился, посмотрел кругом.

– Вы хотите мне сказать, – голос его звучал глухо, – что враг угодил в наше сердце, и вы готовы все умереть, но не сдать врагу?

– Да! – в один голос ответила площадь.

– Я с вами! – произнес князь.

– Костер! Костер! – раздался глас.

И на площади запылал огромный кострище. В него люди бросали свое имущество, драгоценности. Пусть ничего не достанется их злейшему врагу. Очередь дошла до детей. Ни у кого не поднималась рука. Но тут появилась старая жрица. Она вела за собой маленькую правнучку. Старуха поставила ее в центре площади. С оцепенением смотрят литовцы на жрицу.

– Перунес! Ты слышишь меня? Возьми мою жертву, чтобы они не осквернили ее, – и вонзила нож в сердце малютке.

Толпа охнула. Треск ломающихся стен как бы подхлестнул людей к жестокой расправе. С детьми покончено. Мужья убивают своих жен. Затем, разбившись на пары, убивают друг друга. Тех, у кого не хватило сил добить себя, добивает жрица.

В город врываются рыцари. Князь с группой литовцев, с ними и Камбила. Где Руссинген, никто не знает. Быстро тает отряд смельчаков. Остались Маргер и Камбила. Князь весь изранен. Кровища так и льет с него.

– За мной! – командует он пруссу.

Они спускаются в подземелье. Там спрятана княгиня. Она уже по одному виду мужа поняла о своей участи. Но лицо ее спокойно. Она достойно примет смерть. Но прежде чем это совершить, он берет за руку Камбилу и отводит его в глухой угол. Там князь открывает потайную дверцу.

– Брат! – заговорил он, – я знаю, что и ты готов принять смерть. Но мы умираем на своей земле. Иди к себе, там расскажешь о нашей смерти, и пусть ваши люди отомстят за нас! – сказав, он обнял Камбилу.

За спиной раздался шум.

– Иди! – с каким-то нажимом приказал он. – Иди, – и подтолкнул его к проходу. Князь мог опоздать. Но невеста откуда появилась жрица и с ножом в руках бросилась на врагов. Те подняли ее на копьях. Этого мгновения хватило князю, чтобы он вонзил меч в свое сердце.

Глава 3

А ну, вставай! – возница кнутовищем толкнул Егора, который крепко спал, обняв мешок с шерстью.

Парень открыл глаза и непонимающе посмотрел на мужика.

– Тово... приехали! – пояснил тот, спрыгивая на землю.

Соскочил и Егор, подозрительно оглядываясь кругом. Ему почудилось, что он попал в какой-то иной мир, который он себе и представить не мог. «Надо же такое! Изба на избу поставлена! А там, вдалеке, даже три друг на друге стоят! Да как это можно? А это еще что за чудо за рекой? Стена какая-то. А за ней видны церковные купола. Что же это такое?» Он подошел к вознице и взял его за локоть. Тот оглянулся:

– А че ето такое? – сторая от любопытства, Егор показал пальцем на стену через реку.

Возница мельком глянул:

– А... детинец, – бросил он, вновь осматривая воз, и прикидывая, с чего начать разгрузку.

Егор не понял и взглянул на него вопросительно. Тот, почувствовав взгляд, повернул голову в сторону парня.

– Понимашь... как те сказать... ну... кремник, – пояснил тот.

– А-а, – как-то неопределенно протянул парень.

– Ступай, отворяй ворота! – приказал возница.

Так началась новая жизнь Егора в Великом Новгороде.

Двор боярина был богат. Тут и конюшни, и скотный двор, хранилища, ремесленные холобуды, откуда доносился звон молотка, да из окон валил дым с запахом каленого железа. Но особенно поразили Егора хоромы. Они были в два этажа. Там, у них в деревне, боярский двор был гораздо беднее: небольшая конюшня, такой же скотный сарай. Хоромы, как у всех в деревне, одноэтажные. А тут... Надо же! Широкий, в несколько ступеней, крылец под навесом. Удивили окна. Через них было видно, что делается внутри. Парню подумалось, что там ничего нет.

– Эй, – Егор окликнул возницу, – а кто слудь, – он показал на окно, – вытащил?

Возница догадался и рассмеялся от души.

– Там стекло....

– Стекло? – переспросил Егор.

– Стекло, – ответил тот и пояснил: – это вместо слуди. Понял?

Парень неуверенно кивнул.

– Ладноть. Потом все узнат и про стекло, и про дитинец, а щас бери... – сам взял два мешка с шерстью, под которыми лежали мешки с зерном.

Егор легко подхватил под мышки пару мешков с зерном, чем очень удивил возницу:

– Однако ж...

Егор пошел за ним.

Поселили парня в подволок над конюшней. Там уже жили два немца. К Осипу они попали случайно. Нанимались к одному боярину, да пока собрались приехать, того литовцы убили. Возвращаться домой с пустыми руками не хотели. Вот боярин взял их и, как сказал, временно. Да за делами забыл про них. Те, однако, прижились и о себе не напоминали. Осипу нужны были умельцы работать с металлом. Они плели кольчуги, собирали пластинчатые латы, делали серпы, косы, замки... А им нужны были помощники: выжигать уголь, ездить к заливу за рудой и помогать выплавлять металл. Тут уже трудились двое литовцев. Но они не справлялись. Вот и решил боярин задарма взять понравившегося ему молодца, пусть-ка поучится. Смотришь, и сам станет умельцем. Что ему в деревне киснуть? Не знал

боярин, что у Егора появилось одно тайное желание: заработать тридцать рублей и отдать их боярину, чтобы со спокойной совестью вернуться домой. «Домой!» – с тоской думал он. Но, признаться, не так тосковал он по дому, как по ней, дорогой его сердцу Марфуше. Он с нежностью, простив ей тот невольный крик, вспоминал, как она, не боясь родительского осуда, вопреки словам матери твердо заявила: «Нет». Ему родители рассказали, как она осадила мать. «Только бы вот... не отдали ее. Но нет! Она будет ждать меня!» – почему-то самоуверенно думал он. «Но!» – машет парень кнутом, погоняя коней, тянувших короб с рудой. Немцы определили его возницей в помощь литовцам, которые занимались доставкой руды. И так месяц за месяцем, между немцами и литовцами. К концу года он не заметил и сам, как чисто научился говорить на обоих языках. Удивлялись таланту русского парня и немцы, и литовцы.

Отработав почти год, Егор набрался смелости подойти к дворскому. Сняв малахай и теребя его руками, он неуверенно произнес:

– Э... господин...

– Че у тебя? – повернулся тот.

– Да... вот я стараюсь...

– Вижу, вижу, – довольным голосом произнес он, – ну, смелее, – вдохновил его дворской.

– Да вот, когда я заработаю... тридцать рублей! – последние слова парень выпалил залпом.

– Сколько? Сколько? Тридцать?

Егор кивнул.

– А зачем тебе тридцать?

Егор рассказал. Дворский все понял и долго смеялся над находчивостью своего хозяина и темнотой этого парня. Отсмеявшись, он не без улыбки пояснил:

– Считаю, если отбросить затраты на одежду, обувь, кормление, то тебе останется в месяц не более, – он задумался, потом сказал, – пятидесяти копеек. Вот и подсчитай.

– Да я... – плечи его заходили, – не умею.

– А! – поняв свою ошибку, выдал дворский и, серьезно глядя, сказал: – шесть лет надо работать.

– Сколь? – парень широко раскрыл глаза.

Тот на пальцах показал сколько. Егор пробежался по ним глазами.

– Да-а! – в этом неопределенном звуке можно было разобрать его глубокое разочарование, бессилие и... злобу, которая рождалась в нем.

– Что же делать-то? – вырвалось у него.

– Идти в ушкуйники! – бросил дворский и пошел прочь, улыбаясь про себя своей шутке.

Для кого – шутка, а для кого мучительный поиск: кто же они такие? Ни немцы, ни литовцы этого не знали. Один из них посоветовал узнать у кого-нибудь из молодых горожан.

До этих слов Егор жил безвылазно, кроме рабочих поездок, с утра до вечера трудясь на барском дворе. И тут ему стало ясно, что надо заводить друзей. И он больше не стал чураться молодых дворовых парней. Однажды, под вечер, он освободился пораньше. Но не пошел ни к немцам, ни к литовцам слушать нескончаемые их рассказы. Но на этот раз, пересекая двор, он увидел, как трое парней, стоя у колоды, обмывали свои кожаные обувки. Глянув на свои ноги, обутое в лапти, он решительно подошел к ним.

– Туды? – и махнул в сторону детинца.

Двое из них окинули его с головы до ног и презрительно улыбнулись, ничего не ответив. Но третий оказался добрее.

– Туды, – доброжелательным тоном ответил он и добавил: – хошь с нами?
Егор кивнул.

– Тогда пошли.

Когда вышли за ворота, тот, кто пригласил, на ходу повернулся и сказал:

– Димитрий, Димка.

– А-а! – удовлетворенно кивнул Егор, но себя не назвал.

Тот не выдержал:

– А как ты звать?

– Мня? А... Егор.

Димка протянул руку, Егор с жаром пожал. Двое других спутников никак не отреагировали.

«Горделивые», – неприязненно подумал Егор. Димка, видать, понял его и с улыбкой сказал:

– Да они хорошие. А это так, для виду.

Они подошли к берегу, там толпился народ.

– Че они ждуть? – спросил Егор каким-то тревожным голосом.

– Паром, – ответил Дмитрий.

– Сколь стоит? – догадался спросить Егор.

– Да... по полушке! – небрежно ответил Димка.

– О! – воскликнул Егор. – У меня таких денег нетути! Ты вот че... – он взял Дмитрия за руку, – пошли... отойдем, – и показал на кусты, росшие на берегу Волхвы.

Парень неопределенно пожал плечами, следуя за Егором.

Когда они зашли за кусты, Егор быстро разделся и, подавая одежду, сказал:

– Принеси ее на тот берег, – а сам бухнулся в речку.

Опешивший Дмитрий глядел то на удаляющуюся спину пловца, то на его одежду.

– Однако!.. – и покачал головой, направляясь к друзьям.

Многие заметили пловца. Кто со смехом, кто со страхом: «Доплывет ли? Вода-то холодная», стали наблюдать за ним. К ним присоединялись целые толпы подходивших к берегу людей. Все ахнули, когда исчезала его голова. Кто-то заорал:

– Лодочника!

– Да вон он! – раздавался облегчающий крик.

Все так увлеклись пловцом, что забыли и про паром, где хозяин вместе со всеми наблюдал за происходящим. Когда пловец, повернувшись к ним спиной и пряча руками определенное место, побежал к кустам, все, облегченно вздохнув, ринулись к парому.

Димка, переправившись на тот берег, подбежал к Егору. Парень, постукивая от холода зубами, схватил одежду, быстро в нее облачился, и они торопливо пошли по берегу. Димка спросил:

– Назад так же? – и кивнул на реку.

– А че... – ответил Егор и поинтересовался – куды щас идем?

– Да на Софийский двор. Тама ноне кулачные бои. Ты как?

– Че «как»? – переспросил Егор.

– Ну, дерешься?

– У нас в селе все дерутся, – важно ответил Егор.

– Ну, ну.

Проходя мимо Софийского собора, Егор остановился. Задрав кверху голову и глядя на кресты, он только и произнес:

– Ох, ты!

– Че, здорово? – любопытствовал Димка.

– Здорово! – восхищенно ответил Егор.

– Зайдем? – Димка кивнул на приоткрытую массивную дверь.

– Зайдем! – радостно почти крикнул Егор.

Переступив порог, Егор почувствовал, как две с лишним сотни лет намоления обрушились на него.

Освещенный лампадами, свечами да лучами оседающего солнца, собор показался Егору изумительным творением. Трудно поверить, что его создали человеческие руки. Егор даже растерялся. В ногах появилась слабость, и он упал на колени. Глядя на святых, которые, как ему показалось, смотрели на него со всех сторон кто с укором, кто требовательно, а Пресвятая Богородица – с поощрительной улыбкой, он позабыл все молитвы, которым учила его мать, только и пробормотал:

– Господи, помилуй! Господи, помилуй!

И когда Егор поднял после этих слов голову, ему показалось, что теперь уже все по-другому, доброжелательно, смотрели на него.

– Господи! Не оставляй меня своей милостью, – произнес он, крестясь и поднимаясь с колен.

– Ну, как? – на ходу, когда вышли из храма, спросил Дмитрий.

– Чудеса!

– То! То! – торжествующе произнес тот.

Когда они пришли, Софийский двор был уже почти заполнен. И они, не найдя двух друзей Дмитрия, стали пробиваться вперед. Вначале дорогу прокладывал Дмитрий, Егору было не по себе в такой гуще человеческих тел. Но когда его затолкали, он решительно начал прокладывать путь, расталкивая по сторонам новгородский люд. Мужики, глядя на Егора, не решались ему что-то сказать. А он, посчитав, что так и надо, быстро завершил свой путь, оказавшись у кромки круга, где несколько десятков бойцов разминались перед предстоящим боем. Разделившись на равные части, они начинали сражение. Тут у каждого были свои любимцы, а поэтому поощрительные крики и ругань по отношению к противнику не смолкали до тех пор, пока те не приступили к построению. Быстро составились две группы. В предстоящей ожесточенной битве должно было определиться, какая сторона возьмет верх. Все готово к схватке. Бойцы уже кидают друг на друга свирепые взгляды, этим как бы зажигая себя. В то же время и бойцы, и многочисленные болельщики были в каком-то ожидании.

Наконец появился рослый старик, прямой, как сосна, с белой окладистой бородой. Это был бывший боец, дольше всех державший первенство. Он прошелся по рядам бойцов, удостоверившись, что ни у кого нет на руках кастетов. Встав на краю арены, он дал сигнал, и битва началась. Поднялась толча. Все хотели воочию видеть битву, которая стала сопровождаться то воплями, то радостными криками, то возмущением.

– Ты че, Лопата, в висок бьешь? – орал кто-то душераздирающим голосом.

Другой, стараясь перекрыть, заступался:

– Ты zenки разуй, в какой висок!

– Че, не видишь!

– Я те «не видишь»!

Кричавшие хватают друг друга за грудки. Один из них награждает спорщика приличным тумаком. С ответом не задерживаются. Им спешат на помощь. И пошла новгородская братушка друг на друга.

– Ты за кого? – орет на Егора какой-то мужик.

Егор непонимающе пожимает плечами.

– Ты откель? – не отстает мужик.

– Оттель! – Егор показывает в сторону, откуда приплыл.

– Ах, ты славянский! – удар пришелся на щеку.

Обтерев ее, Егор развернулся и так хряпнул людина, тот был с Гончарной, что он рухнул под ноги дерущихся. Тут Егор заметил, как двое лупят Дмитрия. Рыча от ярости, он разбросал вокруг людишек. И досталось тем! Егор вошел в раж.

– Вон наших бьют! – крикнул Димка, показывая в сторону, где несколько парней колодили знакомых «гордецов».

Забыв про их отношение к себе, руководствуясь только сознанием «Наших бьют!» и ведомый вспыхнувшим в нем бойцовским азартом, он быстро проложил к ним дорогу. Разбросав нападавших, он не остыл.

Эти двое примкнули к Егору. За ними потянулись еще. Вскоре Егор, поддержанный нечаянной компанией, оказался победителем. Он до того вошел в раж, что начал искать себе противника. Но все почему-то бежали от него. Если кто пытался противостоять ему, то от его могучего удара тут же корчился под смех окружающих.

Вскоре Осип Захарович узнал, что этот застенчивый, безотказный работяга вдруг стал кумиром новгородцев. Боярину стали предлагать деньги, и немалые, чтобы тот отпустил Егора к ним. Глаза боярина светились радостью, а душа за долгие годы забвения горожанами деяний посадника ликовала. Поэтому, когда Осип, увидя мальчика, подозвал его пальцем и попросил позвать к нему Егора, тот с важностью спросил:

– Самого Егора?

Боярин не сдержал улыбки:

– Самого.

В голове мелькнуло: «Ишь, как быстро возвеличился!» Малый нашел Егора около конюшен, где парень с литвинами правил обоз для поездки за рудой.

– Эй! – посылный потянул Егора за рукав.

Тот оглянулся:

– Те че надо?

– Боярин кличет! – сурово, по-взрослому, сказал малец.

«Ну, ты... – ругнулся он про себя, – шас опять накинёт. Пошто ввязался. Эх, Марфа, Марфа, когда же до тя доберусь?».

– Че ты бормочешь? – обернулся литовец.

– Да так... вон, – он кивнул на мальчика, – говорит, чтоб шел к боярину. И зачем я ему понадобился, ума не приложу.

Литовец, подергав узел на хомуте, не торопясь, степенно подошел к Егору.

– Ты че так рассупонился? – чисто по-русски спросил он.

– Да рассупонишься, – Егор сплюнул, – раз он мя покликнул, шас не знаю, сколь насчитает, а я ему уже должен тридцать рублей, – лицо парня посерело.

– Э-э! – протянул литовец, – ты че, как баба, раскис? Наградить он тя хочет! Понял?

– Наградить? Мня? За что?

– Э! Парень! Плохо жизнь ты знаешь, – оставив работу, литовец остановился напротив Егора.

Был он выше среднего роста. Борода тщательно выбрита, усы пострижены.

– Ты, говорят, тут всех побил на кулачках, – он провел рукой по усам.

– Так уж всех, – вставил Егор, как бы оправдываясь.

– Что сказали, то и я сказываю. А если так, наградит. Как пить дать, наградит. Иди и не бойся! – литовец шутя подтолкнул парня.

Эти слова внушили Егору какую-то уверенность.

– Чему быть, того не миновать! – и он решительной походкой направился к боярским хоромам.

– Заходи, заходи! – проговорил боярин, когда увидел просунутую в дверь голову Егора. Парень перешагнул порог и остановился, по привычке стал мять картуз.

- Далеко собрался? – спросил боярин, увидев на нем походную одежду.
- За железом, – ответил он, называя руду железом.
- Да ты проходи, проходи, боец.
- Когда тот подошел, Осип указал ему на сиделец.
- Сидай и расскажи, где ето ты биться научился?
- Глядя на боярина не очень добрыми глазами, парень буркнул:
- Нигде. Он мя вдарил. Ни за что, ну, я... и тожить... ответил, – и с опаской посмотрел на хозяина.
- Хорошо ответил, – рассмеялся боярин, – пол-Новгорода перебил.
- Да не хотел я. Мя бьют. Я... тово... отвечал.
- Молодец, молодец, – боярин, подойдя, потрепал его шевелюру, – скажи: правду говорят, что ты Волхов переплыл? – спросив, он посмотрел на Егора снизу вверх.
- Правда. А че?
- У нас для этого паромщик есть, – произнес боярин, обходя стол.
- Так он... деньгу... аж два гроша просит, – с особым ударением на последних словах произнес парень, глядя на боярина с таким выражением, будто за эти деньги можно было купить корову.
- Боярин сел напротив, положив руки на стол.
- Нашел деньги: два гроша! – хмыкнул Осип.
- Егор поднял голову и, глядя чистыми глазами на боярина, сказал:
- Да у мя... и полгроша нетути.
- Что, тебе Петр, – так звали дворского, – за все время денег не давал?
- Не-е, – протянул Егор, – я не брал.
- Пошто так? – поинтересовался боярин.
- Да пусть... набираются. Долг мне вам отдать надобно!
- Боярин, услышав эти слова, удивился:
- Мне? Долг? Какой? – спросил он.
- Его голос прозвучал так искренно, что Егор даже подрастерялся. Собравшись с духом, выпалил:
- Так вы ж говорили... тридцать рублей.
- Боярин вспомнил и расхохотался.
- А! Считай, что ты его мне отдал.
- Егор вытаращил глаза:
- Я? Я отдал вам долг? Да я ж и деньгу не видел.
- Увидишь.
- Боярин поднялся, подошел к поставцу, открыл дверцу. На верхней полке стоял ларец. Осип поднял крышку и черпанул несколько монет. Подойдя к парню, он хлопнул ладошкой по столу и сказал:
- Бери!
- Егор заерзал на сидельце.
- Бери! Бери! – приказал боярин.
- Егор засопел и стал считать. Осип удивился, когда тот подсчитал и заявил:
- Двенадцать рублей, – и положил обратно на стол.
- Боярин покачал головой:
- Молодец! Кто считать-то тя научил?
- Вабор, – ответил парень.
- Литовец, что ли?
- Егор кивнул головой.
- А ты бери, бери, – произнес боярин, показывая ухоженной бородой на деньги.

Егор осторожно и нерешительно стал их собирать в кулак. Боярин хлопнул по столу, поднялся, подошел опять к поставцу. Вернулся с кисетом.

– Держи! – сказал он, положив его перед парнем, и добавил: – дай бог, чтобы он у тебя не был пустым. Ну, что ты еще хочешь? – спросил боярин, возвращаясь на место.

– Домой!

– Домой? – в каком-то раздумье произнес боярин.

Какое-то время он молчал. На его высоком лбу собрались складки.

– Значит, домой? – повторил он.

Парень кивнул.

– Соскучился, поди, по девице? – боярин посмотрел на парня смеющимися глазами.

Тот опустил голову, краска покрыла его лицо.

– А ждет ли она тебя? Может, батька давно ее замуж выдал.

– Ждет! – твердо произнес Егор, поднимая голову.

– Это... хорошо, – растянуто, словно собираясь с какими-то мыслями, сказал Осип. Замолчал. Потом, склонив голову, посерьезневшим взглядом окинул Егора. Прищурил глаз, спросил:

– А кем бы ты хотел вернуться? – взгляд его застыл на парне.

Но Егор выдержал и неожиданно ответил:

– Боярином!

Такой его ответ почему-то не очень удивил Осипа.

– Боярином, – усмехнулся тот, – а вообще ты знаешь, что это означает?

Егор покраснел. Боярин встал. Прошелся вдоль стола. Поглядел в окно. Около ворот стояло несколько подвод, рядом толкались люди. Он понял, что они ждут Егора. Ничего не сказав, боярин отошел от окна и подошел к парню. Положив руку ему на плечо, он заговорил:

– Боярин – это лучший. Воин, воевода, градодержатель. Это видный, приметный, славный человек. Гляжу я на тебя, Егор, и вижу, что-то в тебе есть. Но только дома, – он отошел, чтобы вернуться на место. Усевшись, продолжил: – только дома для тебя этот путь закрыт. Ты меня понимаешь? – на Егора смотрят немигающие глаза.

Егор о чем-то задумался, потом ответил:

– Понимаю! – и вздохнул.

Почему-то вздохнул с каким-то облегчением и боярин. Поднялся.

– А если понял, пойди и скажи своим, чтобы ехали без тебя. Тебя, – подошедший хозяин ткнул парня в грудь, повторив, – ожидает Мезень и Печора.

Что из себя это представляет, он даже не мог и подумать: ни разу даже не слышал этих названий. Но понял, что это далеко не то, чем он занимался до этого.

Глава 4

Камбила долго пробирался по узкому, местами обвалившемуся проходу, прежде чем оказался в густом, непроходимом лесу. Выбравшись на поверхность, он с трудом верил, что вторично остался жив. Сколько раз за его спиной гремела обрушившаяся земля! А окажись он там в это время... Но об этом не хотелось думать. Все! Он жив. Жив! Как хотелось ему крикнуть это во всю мощь своей плетки! Только тут он понял цену жизни. Теперь он вновь увидит дорогую его сердцу Айни, ее искрящиеся, добрые глаза, застенчивую улыбку. Почует манящий, притягивающий запах ее волос, услышит звенящий, как серебряный колокольчик, голосок.

– Милая Айни! Я иду к тебе. Ну и что, пусть ты и наполовину русская. Да кто сейчас помнит, как твою мать маленькой девочкой, после успешного похода на Русь, привел к себе в дом молодой Юбол, уважаемый всеми прусс. Его древний род свидетельствует о его благородном происхождении. Разве он виноват, что его первая жена не могла подарить ему наследника? Когда пленница подросла и превратилась в очаровательное создание, она принесла Юболу кучу детей. Вот он и взял ее в законные жены. Да разве и в нашем роду матери не были литовками? Нет, про Айни никто ничего плохого не скажет.

Ему, лесному человеку, определить дорогу к дому потребовалось одно мгновение.

– Домой!

И он, как молодой жеребчик, двинулся вперед. Его не могли остановить ни непроходимые чащи, ни глубокие овраги. Неудержимая сила тянула его к своему очагу, к той, которая ждала его с утра до ночи, глядя во все глаза на пустынную дорогу. Но чем ближе он был к дому, тем сильнее в его душе вместо ожидаемой радости стало проявляться странное чувство какого-то беспокойства, неуверенности и даже... виновности. Они незаметно зародились и росли с каждым шагом.

А все началось с того, когда, поняв, что ему больше ничто не угрожает, он вдруг вспомнил о Руссингене. Как же он ушел, ничего не узнав о брате! Он даже пытался себя успокоить, что Руссинген был старшим и в какой-то мере должен был о нем заботиться. Разве он виноват, что Маргер оставил его при себе, послав Руссингена на южную стену? Среди болот, на которые она выходила, это было более безопасное место. Не виноват он и в том, что князь отправил его домой. Да разве в той сумятице мог он хоть на шаг отойти от Маргера, который бился в самой гуще сражения. И разве для этого было время, когда они трое суток не выпускали из рук оружие. Так что прости, брат, не я принимал решение о спасении. Броситься искать тебя? Но вражина была на пороге. Идти на них – верная смерть. Да, он был прав, этот князь, то была моя земля. Но он показал, как надо любить ее. Да, это все правильно! Но что он скажет отцу?

И вот среди чащи мелькнули родные стены. Вот и ворота. Стоит просунуть руку, найти колотушку – и ты дома. Дома! И все же ноги не несли его к родному очагу. Он тяжело опустился под густой елью на ее мягкую игольчатую постель и, прислонившись к могучему стволу, задумался. Он рвался сюда всей душой, и оставалось сделать лишь шаг, конец его скитаниям. Но тут перед глазами вставал суровый взгляд холодных, осуждающих отцовских глаз: «Почему бросил брата?» А мать? Как взглянет она на своего сына, который чудом остался жив? Он не боялся смерти, не прятался от нее. Но она пощадила его. А мать? Что подумает она? Поймет ли сына? Незаметно начал накрапывать дождь. Пока ель не набралась воды, капли Гланда не достигали. Но это был надоедливый, всепроникающий ситничек. И вот он почувствовал, как холодные струйки побежали по его спине. К утру он так промок, словно окунулся в реку. Похолодало. Остаться на месте было невозможно и идти к себе...

тоже тягостно. Дома-то, наверное, тепло. А что так бешено лает собака? Уж не чужие ли в доме? Но не слышно никаких голосов.

Промучившись ночь, так и не решившись на последний шаг, он, утомленный блужданием, заснул. Его разбудили. Кто-то тряс за плечо. Открыв глаза, он ничего не понял. Сумрак сковал лес. Только слышно, как рядом повизгивает какое-то животное. Как это похоже на его Стрелку!

– Эй! – услышал он. – Кто ты будешь?

– Я? – отстраняя ветви, он поднялся. – Я... Гланда.

– Гланда? – человек отшатнулся.

Зато собака бросилась ему на грудь.

– Стрелка, Стрелка! – вскричал Камбила.

– Молодой хозяин?

– Ютон, ты? – вместо ответа прозвучал вопрос.

– Я, хозяин! – услышал он радостный ответ. – Пошли, хозяин, в дом. Там тебя все жаждали.

Какие простые слова: «Все жаждали»!. Но как они согрели душу, подстегнув к принятию решения.

Пока шли, Ютон рассказал, как Стрелка еще с вечера норовила вырваться за ограду. Когда ей этого сделать не удалось, она стала бросаться на стену с ожесточенным лаем. Как ее ни отгоняли, она не уходила. Поутру Дивон, поняв, что собака ведет себя так неспроста, приказал слуге сходить и выяснить, не случилось ли что.

– Я бегом отправился выполнять повеление хозяина. И вот, благодаря Стрелке, нашел тебя.

Камбила взял острую морду собаки в руки и принялся ее целовать. Она наградила его радостными прыжками, счастливым повизгиванием.

Увидев Камбилу одного, семья встретила его глухим, угнетающим молчанием. В нем Гланда уловил их вопрос: «Где брат?» О! Если бы он знал... Они так и не заговорили. Для Гланда это было невыносимо. Лучше бы они его стали ругать, бить и... даже судить. Хотя за что? За то, что он остался живым. Но так распорядились боги! Он готов был пойти на их суд. Только вечером, уходя к себе в опочивальню, отец остановился около него и, не глядя в глаза сыну, грубоватым голосом сказал три слова. Но они были какими-то загадочными:

– Отдыхай, набирайся сил!

«Набирайся сил? Для чего? Или будет все же... суд?» – думал он. И так прошло несколько дней. Они были какими-то неопределенными и раздирали Камбилу душу.

Это угнетающее молчание было нарушено внезапно появившимся в их сельбище тевтонским посланником. Это была не простая птица, а сам граф Конрад Фон Вернер, рыцарь. Это говорило о том, что у него была довольно ответственная миссия. Дивон знал его, и сердце дрогнуло. Не показывая вида, он дружелюбным жестом пригласил его в хоромы. Они вдвоем прошли в светлицу.

Усевшись поудобнее, всем видом демонстрируя свое превосходство, он начал с того, что, не спуская глаз с большого боярина, заявил ему:

– Ваш сын, Руссинген, находится у нас в плену. Он нарушил наш договор... – при этом слове у Дивона промелькнуло в голове: «Какой договор? Я с ними никаких договоров не заключал», – а тот продолжал: – о том, что вы не будете помогать литовцам. Однако ваш сын нарушил его. Правда, он тяжело ранен. Мы его лечим, и он выздоравливает. Наш Великий магистр, человек доброй души, прощает его поступок. Но не может не потребовать с вас возвращения тех затрат, которые понесет наш небогатый орден. «Бедные!» – ехидно подумал Дивон и пытливо посмотрел на рыцаря. Тот понял его взгляд и, отведя глаза, сказал:

– Вы должны пять тысяч танат.

– Пять тысяч? – сорвалось с губ сдержанного Дивона.

– Да, – кивнул головой посланец и застучал пальцами по столу.

Хозяин на это ничего не ответил, а предложил непрошеному гостю отдохнуть с дороги. Рыцарь, приняв это за хорошую весть, с радостью согласился. После отдыха, в сопровождении Дивона, рыцарь направился в едальню. Хозяин, услышав за спиной шаги и пропустив гостя вперед, остановился на пороге и оглянулся. К нему приближался Камбила. Ему очень хотелось услышать о брате. Но отец зыркнул так, что тот вернулся назад. Выбрав удобное время, Камбила сумел шепнуть отцу, чтобы тот задержал гостя до вечера. Дивон вначале непонимающе взглянул на сына, потом его озарила догадка: «Гланда хочет выследить гостя!». Посуровевшее лицо Дивона расплылось в улыбке. Сын понял, что отец одобрил его решение. При вторичной встрече с тевтонцем боярина было трудно узнать. Из сурового, жесткого человека он вдруг превратился в обаятельного, гостеприимного хозяина.

– Я давно хочу установить добрососедские отношения с магистром, – начал он разговор медовым голосом, – хочу пригласить его к себе.

От такого резкого изменения хозяйского тона тевтонец заерзал на ослоне и почему-то часто заморгал, словно захотел заплакать. И совсем растаял, когда Дивон сказал:

– А сейчас приглашаю тебя, доблестный рыцарь, отведать то, что послал нам великий Перкунос. Опробовав мои угощения, ты подскажешь, что я должен сделать, чтобы достойно встретить великого из великих.

Последние слова окончательно сразили рыцаря. Кто может устоять перед таким приглашением? Может быть, кто-то бы и нашелся, но только не среди рыцарей. Несмотря на клятву они частенько нарушали ее, занимаясь чревоугодием.

– Ну что, рыцарь, согласен...

Под вечер ему помогли сесть на коня. Он и его люди не заметили, как за ними, словно тень, следовал какой-то всадник.

Глава 5

И в Московию пришла весна. Была она ранней, но дружной. Даже бурной. Мелкий, теплый моросящий дождик помогал очистить землю от снежного покрова. Река словно ждала этой помощи. Час от часу набирала она силу, на глазах становясь все более полноводной. Москвитяне перед закатом собирались на ее берегах, любясь этой мощной, неуправляемой силой. Где-то в верховьях она начала безобразничать, вырывая с корнем могучие деревья, срывая с цепей оставленные лодки. Видя их, люди по глупому радовались, крича:

– Вон, вон... – показывая пальцем, – а вон еще....

Расходились, когда стемнело. Никто не думал, что многих поджидает беда. В ночь река, как из плена, вырвалась из берегов, сметая все на пути. Поднялся невиданный вопль, подкрепленный бешеным собачьим лаем. Заевавшихся людей, как соломинку, подхватывали бурные грязные волны и уносили прочь. Напрасно молили они о помощи. Много бед принесла она народу. Спасшиеся, но оставшиеся без крова потянулись кто к князю, кто к боярам, слезно прося о помощи.

Но жизнь шла своим чередом. Отзвенели капли, отжурчали ручьи. Старательные хозяйки успели залить в холодных медушах бочки живительным березовым соком, бабки нарвать березовых почек, чтобы на крепкой овсяной браге настоять доброе лекарство. Не забыли и о другом. Народ взялся дружно править ограды, чистить дворы. С чего бы это? А как же! Приближался великий праздник: Пасха! Ноне она какая-то особая. Изумрудом покрылись поля. Серые, печальные леса, оголенные, как смерд в татарский набег, начали радовать глаз молодой серебристой листвой. О, господи! Краса-то какая! А запах от этих, еще не окрепших, не распустившихся, а только проклюнувшихся листьев так и пьянил голову. Радоваться бы всему этому: весна красна. Да нет! Что-то сумрачна Московия. От двора к двору бежит страшная весть: занемог, сильно занемог Иван Калита свет Данилыч.

Ой! Не дай бог, что случится! При нем и мир, и спокойствие. Процветает Московия! К себе других притягивает. Забыли о татарских набегах. Сумел с ними подружиться князь. А как новый? Как Семен? Может, бог даст, все обойдется? Дай-то бог! Люди крестились, вздыхали, надеялись. Порадует ли на празднике он своим мешком? Калита!

Но вот и Пасха. К ночи живой цепочкой потянулись люди к Богоявленскому собору. И не только поучаствовать в службе. А узнать, будет или нет Иван Данилович? Церковь битком набита. А вокруг, как половодье, люди заполняют площадь. И бежит от приходящих внутрь собора: «Пришел?» А в ответ от головы к голове страшное: «Нет». Вот мимо прошеествовал митрополит Феогност. Важный, сосредоточенный, по сторонам кланяется. Что-то припоздал. Знать, князя навестил. Не будет князя. А то бы вместе пришли. Уважают они друг друга. Это все знали. И радовались этому. От такой дружбы всем хорошо.

Началось пасхальное богослужение. Посреди храма – плащаница. Полуношницы начали читать особый канон. Все, как обычно. И необычно. Не чувствовалось праздничного подъема. Какая-то тяжесть словно давила на людей. Это заметно по их шаркающим ногам при совершении крестного хода. И вот радостные слова: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ...» На мгновение забываются тягостные думы, чтобы опять вернуться, когда пройдет это великое мгновение.

Да, Иван Данилович сильно болен. Приход Феогноста как-то оживил его. Он даже поднялся. Митрополит подложил ему под спину подушку.

– Что, пора? – глухо звучит его голос.

Он сильно изменился. Щеки провалились, выпячивая скулы, глаза ввалились.

– Лежи, князь, лежи! – митрополит положил ему на грудь руку.

– Не князь я, владыка, а инок Ананий, – тихо проговорил Иван Данилович.

– Так-то оно так, – митрополит присел на краешек лежака и взял его руку. Она была холодна. Ты, Иоанн Данилович, – опустив его руку, он поднял свою и продолжил: – князь... великий князь всея Руси. Ты первый на всю Русь. Таким и останешься навек.

Иван Данилович улыбнулся. Глаза его засветились радостью.

– Ну, – митрополит поднялся, – мне, великий князь всея Руси, пора.

– Может, и я с тобой? – Иван Данилович отбросил пуховый укрыватель, обнажив худые восковые ноги.

– Лежи, князь, лежи! – митрополит вновь укрыл Ивана Даниловича, – с силами собирайся. Авось на утренней службе встретимся. Дай бог тебе скорее поправиться! – он перекрестил князя и, чуть сгорбившись, пошел к двери.

Князь Андрей Пожарский, несмотря на то что они с Дарьей, любимой своей женой, были на пасхальном богослужении, пошли и на утреннюю службу. Вначале на нее засобирался князь Андрей один. Ему очень хотелось, и он на это сильно надеялся, увидеть заболевшего так неожиданно Ивана Даниловича. Расспрашивать кого-то о состоянии здоровья князя не хотел, послать кого-нибудь из служек Андрей не решался. Еще напутают чего. А вот взглянуть хотя бы одним глазком на человека, который так хорошо его встретил, очень хотелось. А прийти к нему вот так, посмотреть... не допускала скромность. Он мало еще знал этого человека. Но Дарьюшка не захотела от него отставать. Им удалось пройти вперед, и они остановились вблизи клироса. В церкви было тихо. Только какой-то дьячок тонким голосом читал ирмос.

И вдруг церковь ожила:

– Он! Он!

Да! То шел Иван Данилович. Рядом шел, придерживая его, какой-то моложавый, похожий на князя, человек. Кто-то невдалеке от Андрея сказал своему соседу:

– Княжич Семен.

Андрей усмехнулся: что же он сам не догадался? Уж более года жил в Москве, родился сын Василий, а он не знает наследника. Кого судить за это? Великого князя, что не приглашал к себе? Он часто болел. Не до этого. Да и хозяйство у самого Пожарского отнимало много времени. Андрей не заметил, как дьячка сменил священник в епитрахили. Обратил внимание, что заунывное пение дьячка вдруг заменилось сильным, с подъемом, голосом. Священник был средних лет, с черной окладистой бородой и моложавым лицом. Он часто поглядывал в сторону князя, и каждый раз после этого в его голосе возвышалась нотка радостного ощущения не только праздничного события.

Поглядывая на великого князя, Пожарский заметил, что его сын довольно часто смотрит в их сторону. Но вскоре Семен Иванович куда-то исчез, оставив князя одного. Пожарскому показалось, что тот не очень уверенно держится на ногах, и шепнул жене:

– Я отойду.

И стал осторожно проталкиваться к Ивану Даниловичу. Он вовремя оказался рядом. Великий князь узнал его и, виновато улыбнувшись, взял его руку. Андрей помог ему выйти на улицу. Там, глянув на его лицо, он ни о чем спрашивать не стал, а обхватив его за талию, повел домой.

Войдя на княжеский двор, Пожарский был удивлен, что тот забит народом.

– Что им здесь надо? – невольно вырвалось у него.

Иван Данилович болезненно улыбнулся. И вдруг раздались голоса:

– Калита! Калита!

Андрей понял и улыбнулся. На крыльцо уже вывалила дворня, встречать князя. Взойдя на крылец, князь отдышался и, повернувшись к ним, тихо сказал:

– Сейчас!

Услышать его могли только рядомстоящие. И, повернувшись к основной массе, несколько голосов крикнуло:

– Будет!

Иван Данилович Пожарского не отпустил. Приказал одному из служек принести мешок, и он попробовал было, как раньше б, сам раскидать деньги. Но силы были не те, и он, виновато взглянув на Пожарского, сказал:

– Пособи!

Пока князь Андрей помогал Калите, служба в церкви подошла к концу. Поблагодарив Пожарского за помощь, великий князь пообещал, что как только он почувствует себя лучше, они обязательно встретятся. Андрей, еще раз поздравив Ивана Даниловича с Воскресением Христовым, поспешил к церкви. Из нее уже выходил народ. Подходя ближе, он увидел, как кто-то облапал его жену и, приговаривая: «Христос Воскресе», целовал ее. Та пыталась вырваться, но мужчина, видать, был сильным человеком, и ей не удавалось освободиться. Словно орел, налетел он на нахала, схватил за плечо и с силой рванул к себе. И какое его было удивление, когда перед ним оказался... Семен.

– Княжич! – скрипнув зубами, прорычал Андрей.

Тому не приходилось встречаться с тем, чтобы кто-то мог позволить себе так с ним обойтись. Кровь ударила в голову.

– Да! Княжич! А что? – с вызовом бросил он.

Трудно сказать, что могло произойти между ними, если бы не верный боярин Василий Кочева. Он встал между ними.

– Пожарский, – узнал он Андрея, – ты иди к себе. А ты, – он повернулся к Семену, – не забывай, кто ты. Ишь, петухи. А ну, расходитесь! – крикнул он на зевак, которые вмиг собрались вокруг.

Андрей подошел к Дарье, обнял ее за плечи, и они пошли прочь. Семен бросил вслед им косой, недобрый взгляд. Кочева его заметил и понял, что княжич может не остановиться на этом. Дождавшись, когда княжич уйдет, Василий поспешил к Ивану Даниловичу. Боярин нашел его в опочивальне. Он лежал на постели одетый, широко разбросив ноги. Лицо его просветлело.

– А! Василий! – воскликнул он, – входи, входи.

Когда тот подошел, Иван Данилович поспешил ему сообщить, что он все же был в церкви. Чувствовалось, как он гордился своим поступком. Кочева улыбнулся. Он вспомнил и того Калиту, который мчался по дремучему лесу, порой пробираясь по пояс в снегу, отыскивая место для строительства таинственного дворца. «Да, – вздохнул он, подумав про себя, – что с нами делает время!».

Поговорив о наступившем празднике, Кочева рассказал Ивану Даниловичу о случившемся. Чело князя помрачнело.

– Вот что, Кочева: пусть князь едет на берег Клязьмы. Там, где впадает Нерехта, я даю ему землю. Пусть он там строит свои Пожары. А Семену скажи, чтобы зашел ко мне. Засиделся княжич, – в раздумье произнес Калита, – пусть-ка проветрится до Орды. Он еще с ханом не встречался. У меня в Орде, ты знаешь, весьма теплые отношения с ханом. Хочу, чтобы княжич сохранил их.

Семен шел к отцу в несколько расстроенных чувствах. Как-то многозначительно посмотрел на него боярин, передав просьбу отца. «Что могло случиться?» – думал он всю дорогу от своих хором до отцовских.

– Слушаю, великий князь! – сын вошел без стука.

Отец заворочался в постели и приподнялся на подушке.

– Садись! – показал он рукой на ослон, стоявший у одра.

Тот послушно сел. Отец посмотрел на его удлиненное, как у матери, лицо, на его по-девичьи, дугой, взметнувшиеся брови, чисто выбритые щеки, аккуратную бородку, усы. «А что, хорош», – про себя подумал Калита.

– Я тебя вот зачем позвал, князь...

Он так и назвал его: князь. Сделав ударение на этом слове. Вначале сын не понял отца, но по мере того, как он начал говорить, все прояснилось.

– ...князь – это правитель. А правитель всегда должен руководствоваться не чувствами, а головой. Так жизнь устроена, что ты придешь на мое место. Ты думаешь, у тебя будет мало явных врагов? Думаешь, не захочет стать великим Константин? Хотя мы живем с ним в дружбе, и он мне обязан своим княжением. Или же другой Константин – Суздальский? Так зачем тебе множить еще внутренних врагов. Ты пошто обидел князя Пожарского? – отец посмотрел на сына суровым взглядом. – Я тебе расскажу о нем, о его нелегкой судьбе. Только дай слово: все, что узнаешь, умрет в тебе.

Сын кивнул головой. Отец еще раз испытующе посмотрел на Семена. На какое-то время задумался. Наверное, на память пришло то событие, которое было связано с женитьбой Семена на княжне Августе Гедиминовне, дочери самого великого Гедимина. Сын вначале упрямился. А для чего это было сделано? Да, для Московии. Такова судьба каждого князя, который хочет, чтобы на его земле было спокойно, а его страна могущественна. Надо жить в дружбе с сильными, но для этого надо быть самому сильным. Кстати, сноха оказалась весьма приятной женщиной. И, похоже, Семену она нравилась. Но вот этот его поступок? Баловство? Избыток мужской силы? И Калита перешел к истории обиженного сыном князя.

– ... Так вот, ты теперь знаешь, кто такой Пожарский. И не след тебе его обижать. Я дал ему земли. Пусть едет, обустраивается. Ну, сын, – теперь отец назвал его сыном, как бы говоря, что он самый дорогой ему человек, – тебе надлежит поехать в Орду. Жаль, не стало Чанибека, – при этих словах Калита посмотрел на сына, – Чанибека убил его сын, Бердибек.

Но Семен выдержал отцовский взгляд. Это успокоило отца. Он понял, что его сын не способен к такой подлости. Потом продолжил:

– Ты Бердибека знаешь, но учти, тогда он был царевич, теперь хан. Это большая разница. Отдай ему соответствующие почести.

Сын понимающе кивнул.

– А теперь прощай. Бог даст, свидимся. А если уж нет... то прости, что не так.

Они обнялись.

Под вечер, когда Пожарские садились вечерить, в ворота кто-то постучал.

– Поди узнай! – приказал князь службе.

Тот вернулся запыхавшийся и с порога почти крикнул:

– Княжич Семен.

– Княжич Семен? – переспросил глава семейства, переглядываясь с Дарьей.

Той стало даже не по себе.

– Так проси его, чего стоишь! – внезапно рявкнул князь.

Княжич вошел легкой, гибкой походкой. Был худощав, строен. Князь поднялся навстречу.

– Прошу к столу, княжич. Мы тут как раз вечерим, – добавил он.

– С радостью принимаю, – приложив руку к груди и склонив голову, произнес он.

– Эй! – повернувшись к двери, крикнул Андрей.

Тотчас на пороге появился служка:

– Кравчиги ко мне. Да бегом!

Кравчий, с лысым черепом и глазами навыкат, появился так быстро, словно ожидал за дверью.

– Слушаю, князь!

– Угости гостя на славу!

Гость с налитым кубком заморского вина поднялся:

– Дозволь, князь, – проговорив, он посмотрел на Андрея.

Князь кивнул.

– Я пришел повиниться за свой недостойный поступок. Тебе, княжна, – он впервые посмотрел на нее, – приношу свое извинение. Не гневайся на меня, не карай. Тебе, князь, – он повернулся к нему, – скажу, бес попутал. Простите. Но... от чистого сердца скажу, завидую я тебе, князь, уж больно хороша у тебя жинка. Береги ее! И дай бог вам долгой и счастливой жизни. С праздником! Христос воскрес! – и он залпом осушил кубок.

Обнявшись с князем, они расцеловались.

Допоздна засиделись они. Наконец гость встревожился и стал собираться до дому.

Хозяин пошел провожать гостя. На всякий случай. Лихие люди были везде. За разговорами незаметно дошли и до Семеновых хором. Тут не обошлось и без того: Семен затащил к себе Андрея. Расстались под утро. Теперь Семен решил проводить князя. Тот с трудом согласился на одном условии: до середины пути. Семен, вздохнув, кивнул, мол, пусть так будет.

А на следующий день Семен не стал дожидаться, когда пройдет ледоход, двинул с небольшим отрядом на юг. И только Андрей проводил его до Московской заставы. Потому что ему одному он шепнул об этом на ухо.

Глава 6

Иногда история диктует и свои условия. Чтобы в чем-то разобраться, постичь происшедшее, надо перелистать ее назад. Сделав это, вы узнаете... Будущий великий князь Литвы, Жмури и Руси Гедимин пока что довольствовался древней столицей Кернова, спрятавшейся за густые леса. Но его деятельная натура не могла найти выхода в этом городишке. И случай помог ему.

Однажды на охоте, переправившись на левый берег Вилиси, среди густых пущ, ему понравилось одно место. Высокий лесистый холм возвышался над окружающим. Взобравшись на его вершину, Гедимин представил себе крепость на возвышенности, огражденную с востока рекой, что делало построенный замок труднодоступным для врага.

Он топнул ногой: «Здесь будет град!» Так возникла, ставшей Троками, новая столица Литвы. Для многих это было бы гордостью до конца жизни. Но только не для Гедимина. Он начал борьбу за Большую Литву. По-старому литовскому обычаю, перед походом ему надо было задобрить богов. И его путь пролег к устью реки Дубисен, где было устроено главное языческое святилище. Когда наступило время выбирать места ночевки, он это поручил своей свите, а сам с копьем в руках решил побродить по округе.

Каково же было его удивление, когда, пройдя несколько сот шагов, он вдруг наткнулся на огромного тура, спокойно пасшегося у подножия горы, впоследствии названной Турской. Зверь настолько был уверен в своей силе, что не обратил внимания на человека. Да и тот сразу не решился броситься на эту громаду. Но охотничий азарт взял свое. Со словами: «А, была, не была!» он ринулся на зверя. Понимая, что от точного удара будет зависеть его жизнь, он собрался, как перед грозным испытанием. Да, его удар оказался удачным, метким. Бык только издал такой рев, что он потряс землю. Зверь рухнул перед князем. Услышав этот рев, примчалась перепуганная свита. Увидев поверженного тура, она оцепенела: такого огромного зверя никому из них видеть не приходилось.

А ночью князь увидел странный сон. Ему приснился железный волк, который издавал не менее могучий рев. Жрец и гадатель Лиздейко, которому князь рассказал сон, подумав, сказал:

– Волк – это будущая твоя столица, которую ты должен построить на том месте. А его рев – это слава, которую ты будешь иметь.

Гедимин выполнил предсказания жреца и заложил город Вильно (Великий). К тому же он решил перенести из Ромова и святилище, которое поляки пытались разорить. Было определено место у устья реки Дубисен. Но тут великий князь не учел еще одного своего врага. Тевтонцы стали охотиться на святилище. Гедимин вынужден был вторично обезопасить его от нового врага. И он перенес святилище ближе к новой столице, в место, которое называлось Свинторог. Здесь великий жрец Криве (Кривейто) вскоре зажег вечный огонь перед идолом Перкунаса «Зничем».

Да, предсказания жреца сбылись. Великая Литва состоялась. Но Гедимину этого было мало. Еще была Московия, а там подобный ему великий князь Иван Данилович. Ох, как ему хотелось схватиться с ним. Порой ему казалось, что он со своими воинами победно шествует по улицам далекой русской столицы. Но умен Калита, умен. Знает, с кем надо дружить. Тронь его, тотчас на помощь примчится Узбек. Их не осилить, нет! А вдруг... Нет. Надо что-то делать. И придумал: отдал дочь за его сына, Симеона. Ее крестили, дали имя Анастасия. И принесла Анастасия Гедимину внука. Рад был старый воин. – Пусть внук будет русским. Но в нем есть Гедиминова кровушка! Есть! Ну, что, дед, помогать внуку будешь стать самым великим. А для этого начать надо с веры. Будут литовцы – единоверцы, легче будет соединиться. А уж тогда ни тевтонцы, ни Римская империя, даже татары... – громко

рассмеялся князь, потирая руки, – да я правильно сделал, что создал свою православную митрополичью церковь в Новогрудках. Оттуда она шагнет по всей Литве. Только бы у меня сил хватило.

Но эта его радость была омрачена страшной новостью: гибелью крепости Пунэ. Долго не было оттуда вестей. А кто мог сообщить? Живых-то никого не осталось. Случайность помогла открыть эту тайну. Один охотник забрел в эти места. Когда он увидел, что осталось от Пунэ, то пришел в ужас. Забыв об охоте, он поспешил в Вильно. Так Гедимин узнал о случившемся. Великий князь был взбешен и приказал готовиться к срочному отъезду. Когда дворский осторожно спросил: «Куда?», Гедимин сквозь сжатые зубы выдавил: «Пунэ». Как показалось службе, князь сильно изменился. Его и без того удлинненное лицо еще больше удлинилось, а острый нос сильнее заострился, твердый взгляд стал еще более твердым.

И вот перед князем и его сопровождающими предстало черное пепелище. На него не прилетели даже вороны. С тоской смотрел великий князь на эту картину. Желваки на щеках так и ходили.

– Кто мне расскажет, что здесь произошло? – ни на кого не глядя, спросил князь.

В ответ – молчание. И вдруг послышался чей-то скрипучий голос:

– Я, князь!

Из-под ветвей выползает какое-то странное существо. Сразу и не разобрать. Когда оно оказалось ближе, стало ясно: человек. А когда совсем приблизилось.... О, господи! Да это старуха!

– Ты кто, матушка? – наклонившись, спросил князь.

Да, трудно было узнать в ней ту жрицу, которая умертвила свою правнучку. Сама же она оказалась живучей. Даже тевтонские копья не смогли лишить ее жизни.

Она-то и поведала о битве, которая произошла здесь. И о том, как повел себя их князь, его люди. Как бок об бок сражались пруссы.

– Пруссы?! – удивленно воскликнул князь.

– Да, пруссы. Сыновья Дивона. Особенно Гланда Кам... – но она не смогла договорить. Силы покинули ее. Ее душа отлетела.

– Такой пруссак заслуживает быть литовским князем, – громко проговорил он и добавил: – Похороните старуху с честью, подобающей нашим героям.

Наверное, у любого владыки, даже у самого могущественного, есть не только друзья, но и враги, открытые и скрытые. Открытые враги часто могли попасть и в друзья.

В зависимости от ситуации. А скрытые – никогда. Были они и у Гедимины. Среди простого народа их трудно было найти. А вот среди бояр... Особенно таких, как Спудас, Драйнас. Во первых, они завидовали. Ведь о его появлении на свет говорили разное: что он незаконный сын Бутвидаса, его мать – простая русская рабыня или что он обманом, с помощью... да не будем воротить старые сплетни. Ясно одно: он велик! Кто бы он ни был. Это-то и вызывало зависть и раздражение. Все, что теплилось в них, пробудилось и забурило, когда Гедимин открыл христианскую митрополию.

– Христианами нас хочет сделать. Не нравятся ему боги, которых почитали наши предки, – говаривали они желчно в своем кругу.

Оттуда-то и поползла ядовитой змеей по Литовской земле эта весть. Добрым примером по защите их веры были литовцы, погибшие в Пунэ. А тут еще одна весть: пруссака хотят сделать князем. Как будто своих таких героев у них нет. Не мог Гедимин проникнуть в их мысли, а поэтому с пепелищ поехал к Дивону.

Удивлен был прусс таким посещением. На вопрос князя, где его сыновья, Дивон, появившись, ответил:

– Старший, раненый, попал в плен к тевтонцам, а младший, Гланда, один поехал выследить, где его прячут.

Когда Гедимин узнал об этом, в его сердце вспыхнула настоящая любовь к этому человеку, который, рискуя жизнью, отправился в логово врага. Мало таких, кто способен на такой подвиг. И объявил его отцу, что, когда Гланда вернется, он сделает его князем.

– Если... вернется, – как-то тяжело проговорил отец.

На прощание они обнялись. Уже сидя на коне, Гедимин бросил:

– Мы отомстим!

Долго Дивон смотрел в широкую спину великого князя, пока тот не скрылся за кромкой леса. Придя к себе, он задумался. Стало тревожно в груди: «А если заметили? Тевтонцев-то было пятеро. Вдруг кто-то из них видел Камбила?» До этого он почему-то о нем не думал. Наверное, не выветрилась из его сознания отцовская обида, что Камбила не все сделал для спасения брата. Но неожиданный приезд... и кого! Самого великого Литовского князя, дал ему понять, каким непростым человеком был его сын. «Что же делать? Пускаться на его розыск? Глупо. Дорог там не считано. Да и рыцарских замков немало. Куда ехать, где искать? А пока попрошу Божунос, Божью Матерь «Умиление», пусть-ка она проявит жалость и поможет моим сыновьям». В укромном уголке непроходимого леса, принеся в жертву белую курицу, он на коленях умолял богиню помочь его детям.

А тем временем Камбила, следуя по тевтонскому следу, ломал голову над тем, что ему делать. Тот первый порыв, который толкнул его на этот шаг, дорогой развеялся, как дым. У него было время все обдумать, сопоставить. Крепость Пунэ показала ему, как трудно ее брать. «Не зажги рыцари деревянные строения, еще не известно, чья бы взяла. А говорят, у тех – все из камня. Так как быть? Ну, узнает, где он. Сколько мы наберем своих людей: двести, триста? Столько же придут на помощь? Но разве такими силами их одолеть?». Не находя ответа, он упрямо продолжал слежку. Похоже, рыцарь и его охрана не очень торопились к себе. Дивон в достатке снабдил их питьем и припасами, и они старательно уничтожали эти запасы, подолгу проводя время у костра.

Вот и теперь они выбрали полянку и расположились под развесистым дубом. А эта полянка, если смотреть на нее с птичьего полета, кажется цветущим ковром, разметавшим в обе стороны, как птица крылья, свои узоры. А посередине – огромный зеленый круг. Этим видом они могли наслаждаться. Он поднял руки вверх и несколько раз махнул ими. Затем, отвязав мешок с припасами, несколько раз как бы взвесил его в воздухе. Он значительно полегчал. Выложив запасы, он с ножом в руках стал прикидывать, на сколько частей их разделить. Сначала хотел на пять, но части получались очень маленькие, и разделил на три. То же проделал и с овсом.

– Ты, дорогой, – похлопав жеребца по крупу, – сказал Камбила, – можешь подпитываться и травкой. Иди-ка.

Быстро проглотив свой пай, ссыпав крошки в ладонь и отправив их в рот, он все уложил в мешок, крепко перевязал и, отложив его в сторону, приподнялся. Трава, замерев от безветрия, серебристым цветом отражала солнечные лучи. Но преследуемых он не увидел. В голове тревожно забилося: там или нет? Камбила метнулся к первому попавшемуся дереву и, как кошка, вскарабкался на вершину. Они спали кто в какой позе.

Он не торопясь спустился, проверил коня и сам прилег на мягкую травку. Сорвав соломинку, стал ее покусывать и рассуждать: «А стоит ли мне таиться? Они меня не видели, не знают». И тут же задал себе вопрос: «А не боюсь ли я лихих людей?» и ответил: «А что мне их бояться? Брать у меня нечего. Пустой мешок сам отдам. Конь? А что конь! Мало их бродит?». Вдруг до него донеслось лошадиное ржание. Он приподнялся и увидел, что тевтонцы седлают коней. Его конь не очень-то обрадовался появлению хозяина. Видать, набрел на вкусную травку.

Решив, что постарается к ним пристать, Камбила стал раздумывать, как это лучше сделать. Их догнать... или лучше обогнать, чтоб они его догнали. Пока Камбила раздумывал,

до его ушей донеслись крики, звон мечей. «Кто-то напал на них!» – пронеслось в голове. Но необдуманного шага решил не делать, поэтому не ринулся очертя голову на помощь. А, углубившись в лес, осторожно стал подъезжать к месту сражения.

Подъехав совсем близко, увидел ужасающую картину. Трое лежали на земле. Оставшиеся в живых двое тевтонцев отчаянно оборонялись от пятерых разбойников, неплохо вооруженных. В их руках мелькали сабли. На головах – шлемы, на телах поблескивали кольчуги. Глядя на это неравное сражение, ему пришла счастливая мысль: «Если сейчас он им не придет на помощь, вряд ли в дальнейшем выдастся такой подходящий случай». И он решился.

Издав воинственный вопль, он, как разъяренный зверь, напал на них сзади. Его неожиданное появление внесло смятение в стан нападавших. Это роковым образом отразилось на них. Гланде удалось с ходу зарубить одного, да и второй вряд ли долго протянет с разрубленной шеей. Одного завалил тевтонец, оставшиеся разбойники развернули коней и, махая плетями, поскакали наутек.

К Гланду подъехал главный тевтонец:

– Кто ты? – спросил он по-немецки.

Но Камбила сделал вид, что не понимает. Тогда тот спросил по-литовски:

– Ты литовец?

На что Камбила обрадованно несколько раз повторил:

– Да, да, да.

– Я твой должник. Вот тебе моя рука в знак нашей дружбы.

Камбила торопливо подал свою.

Тряся его руку, рыцарь продолжил:

– Поступил ты по-рыцарски, придя нам на помощь.

Оставив своего сопровождавшего разбираться с повергнутыми, главный тевтонец предложил Камбиле продолжить путь.

– Далеко ли путь держишь, храбрец? – спросил он.

На что Камбила только пожал плечами.

– Почто так? – поинтересовался рыцарь.

Камбила поведал о своей будто бы тяжелой жизни.

– Понятно, – кивнув головой, произнес тевтонец и спросил: – как тебя кличут?

Гланда на мгновение задумался. Многие говорили, что его имя очень похоже на литовское, и назвал себя:

– Гланда.

– А я граф Конрад фон Вернер, рыцарь Тевтонского ордена. Значит, ты ищешь, где можно хорошо заработать? – поглядывая на Гланда, задал вопрос рыцарь.

Тот опять закивал.

– Знаешь что? – произнес рыцарь, – я вижу, ты ответственный человек. Несмотря на молодость выглядишь как опытный воин, поэтому я предлагаю тебе быть моим оруженосцем.

Гланда не сразу ответил. Это рыцарю понравилось: парень знает себе цену. Как бы в подтверждение, тот спросил:

– А сколько будешь мне платить?

Рыцарь, чувствуется, не был готов к такому вопросу и задумался с ответом, потом сказал:

– Ну... пять ногат.

Камбила сморщился. Рыцарь удвоил ставку. Но, чтобы придать своему предложению вес, добавил:

– Это золотом.

На что Гланда философски заметил:

– Золото приносит несчастье.

Рыцарь удивленно посмотрел на Камбилу. И чтобы дать понять, чьи эти слова, сказал:

– Но я не Сигурд, убивать не буду.

Они оба рассмеялись. Тевтонцу все больше нравился этот непростой парень. Ему не хотелось отпускать его.

– Ну, как? – чуть не заглядывая ему в глаза, спросил он.

– Я... согласен.

Рыцарь, облегченно вздохнув, стегнул коня:

– Тогда вперед!

Глава 7

Служка, худенький, лысоватый мужичонка с быстрыми сообразительными глазами, узнав, что его требует боярин, вошел в светлицу. Там боярин с дворским вели подсчет расходов. Робко вошедший служка остановился у порога. Боярин повернул в его сторону голову и поманил пальцем. Когда тот подошел, он распорядился на счет Егора. Выслушав хозяина, служка зыркнул взглядом на Петра, может, тот чего добавит? Но, увидев его безразличное лицо, тихо проговорил:

– Ну, я пошел.

Боярин кивнул и принялся за прерванную работу.

После такого неожиданного решения Осипа Захаровича служка разыскал Егора и с трудом передел его во все новое: порты, льняную рубаху до колен с поясом, дал мягкие кожаные чоботы, заставил сбросить лапти, которыми так дорожил Егор. Глянув на переодетого и подпоясанного парня, дворский, щелкнув языком, брякнул:

– Девки совсем с ума сойдут!

Егор исподлобья посмотрел на него, ничего не сказал и пошел к выходу.

– Эй, – окликнул его тот, – ты куды? Те, браток, надо искать деда Варлама, он у тя старшой, и ехать с ним.

Дед Варлам, плечистый, грудь колесом, выглядел не совсем дедом. Так его прозвали за полуседые волосы до плеч, покрывавшие его голову, да густые стариковские брови. На это он не обижался. Но иногда, чтобы заткнуть рот не в меру болтающему, дед легко поднимал бочку, которую не могли осилить и двое мужиков, и спокойно ставил ее на повозку.

Егор нашел его у погреба, откуда тот таскал припасы на стоявшую рядом повозку. Закончив работу, он стал веревкой увязывать поклажу.

– Лови! – крикнул он подошедшему Егору, бросая конец веревки.

Не ожидавший такой встречи парень все же сумел ее подхватить. На что дед одобрительно крикнул.

– Щас иди простись с зазновой и едем, – он подмигнул ему.

А лицо выражало такую доброжелательность, что он сразу понравился Егору. Куда ехать, зачем, он объяснять не стал. Пока дед ходил в хоромы, Егор просидел все это время на корточках.

– Сидай, Егорушка, – сказал дед, сдвигая груз и освобождая место для себя и Егора.

Парень подивился, откуда дед узнал его имя. Потом догадался: дворский сказал.

– Но-о! – рявкнул дед, когда они уселись, и щелкнул кнутом. Лошади пошли рысью, телега затряслась. Дед подтянул вожжи:

– Тишить! А – то горшки побьются.

Конь пошел тише. Дед, бросив конец вожжи себе на плечо, повернулся к парню. Глаза у него были добрые. Подувший ветерок поднял со лба его космы.

– Простился? – дружелюбно спросил дед.

Егор покачал головой.

– Чего?

– Да нету тут никого, – пояснил он.

– А-а-а! – понятиливо протянул дед, – тама осталась.

Егор закивал, а дед почувствовал, что с парнем что-то неладное. Он скосил на него глаза. Лицо Егора посерело. Дед все понял.

– Не горюй, парень, все будет хорошо!

Легко ему говорить. Заглянул бы он в душу Егора. Своим вопросом дед расстроил парня. Все это время, за работой, он как-то не вспоминал ни свой дом, ни Марфу. А тут вдруг в его душе впервые поднялась тревога: вдруг Марфу отдадут за другого?

И он был недалек от истины. Федор, отец ее, был настроен решительно. Заявление дочери он простить не мог. Дома ей, да и матери, которая, несмотря ни на что, вступилась за дочь, досталось. Если бы не сыновья, трудно сказать, чем бы все закончилось. В ответ Марфа перестала разговаривать. Молчала, как воды в рот набрала. Зато глаза смотрели решительно. Даже Федор не решался с ней заговорить, мудро решив, что время лечит.

Все можно удержать, только не время. Вроде незаметно, а пролетел год после отъезда Егора, и Федор, посчитав, что настала пора решать судьбу Марфы, при встрече со старостой, который каждый раз донимал его одним и тем же вопросом: когда засылать сватов, дал согласие. Федор выглядел решительным, твердым человеком, которому возражать просто опасно. Староста пришел домой радостным. Торжествуя, потирая руки, прямо с порога, выпалил:

– Все! Проклушу я женю!

Баба встрепенулась:

– И на ком жить?

– Как «на ком»? – важно произнес он. – На Марфе, как и должно быть! – и прошелся гоголем, важно поглаживая усы.

Жена давно не видела мужа таким. И поняла, что все, что он сказал, правда. Но она знала и Федьку. Тот своего не упустит. И осторожно спросила, чтобы не портить муженьку настроения:

– Федька-то... много запросил?

Муженек сник:

– Да... пять десятин. Да-а, – он вздохнул, – ну, ниче, обойдемсь. Налей – ка мне бражекчи. Да похолоднее. Жара стоять, – и посмотрел в окно, – когда только кончится!

Баба быстро нырнула в погребок. Нацедила ему кружку браги. На закус отрезала кусок мяса от копченого свиного бока. Ради такой вести ей было ничего не жаль. Поставив все на стол, она, набросив платок на голову, нырнула в дверь.

– Пошла свистеть, – бросил он ей вслед, наливая в кубок брагу.

Понюхав свинину, жахнул первый кубок. Выдохнув и обтерев усы, принялся за закуску. Набив рот, заговорил сам с собой:

– А че... землицу-то жалко... Да все одно... еще прикуплю. Деньжата – то есть, а осенью еще прибавится.

Весть эта, пущенная матерью Прокла, молнией пронеслась по селу. Бабы побросали огороды, мужики разные поделки, стали обсуждать ожидаемую весть.

– Сколько же ен отвалил? – спрашивали одни.

– Деньгой аль землицей? – думали другие.

А бабы:

– Вот, горячка, и живи с сопливим. Я свою ни за каки деньги не отдала бы ему.

– Да брось, – лузгая семечки, встревает соседка, – еще б и хвастала!

– Ето ты хвастала! – начинал подниматься скандал....

Так каждый день. Все перессорились, вновь подружились. Не обошлось и без драки. Одним словом, жизнь в селе забила ключом.

Вот и день венчания. С раннего утра старушки подмели и убрали у церкви лишнюю траву. Пацаны, как галки, облепляли ближние деревья. А в Федоровой избе бабы да девки собирают невесту. Она холодна и безразлична, точно все это ее не касается. Бабы меж собой незаметно толкуют:

– Ниче, поживется, слюбится. Бить-то не будет.... Чем плох мужик?

Марфа вроде и не слышит. Потом вдруг заговорила, повернувшись к вошедшей матери:

- Скажи-ка Петрухе, младший брат пушай Стрелку мою оседлат да едет на ней.
- Чегой-то так? – спросила мать, испытующе глядя на дочь. – Уж не задумала ли че?
- Дочь только усмехнулась, сказав:
- Она одна у меня верная подруга. Если ее не будет, на свадьбу не пойду.
- Мать только зыркнула, зная ее характер, и вышла искать Петруху.
- И вот долгожданное:
- Идут! Идут!

Впереди сваты-соседи. Важные, ни на кого не глядят. Как же, самому старосте угождают. А кто на селе царь и бог? Боярин? Неточки! Он, староста. Боярин-то бывает раз в году. Да и то не всегда. А селянин чуть что, к кому? К нему, родному, к старосте. А тот – как посмотрит. Угождал ему по жизни, поможет. Был дерзок, себе на уме, ох, уж и поиздевается. Вот и обойди такого. До города далеко.... За ними идет сам староста. Всем видом старается показать свое положение. Несмотря на жару на нем становой кафтан с широкими рукавами. Из-под него виднеется белоснежная кошуля, одеваемая им только на Рождество и Пасху. Широкие портки заправлены в сапоги. Они обильно смазаны дегтем, запах от которых разносится на версту. Но главное, чем гордится староста, – золотая цепь с головой дикобраза, которая венчала его грудь. За ним телепается жинка. Высохшая, как доска. Не то хвора, не то кость такая. Она тоже постаралась одеться. Уж если мужики на нее не смотрят, как на бабу, пусть посмотрят на наряд. На голове – цветастый турецкий платок. А платье – не частина какая, а аксалит с голубым отливом. На шее – монисто, на руках – браслеты. Далее Федор с Ульяной. Одеждой и драгоценностями не блещут. Да что им, дочка-то не таких драгоценностей стоит. Жаль, судьба не улыбнулась. Они тащатся сзади. Кто-то ехидничает:

- Ишь, как идут. Не вровень. Хотят, чтоб сопливый первым был.

Гости, поглядывая на жениха и невесту, которые следуют за своими родителями, хотя должны идти первыми, да староста все поломал, шепчутся друг с другом:

- Да Марфа Прокла вмиг под каблук спрячет!

Лицо невесты нерадостное. Печаль так и сквозит на нем.

- Ой, бабоньки, – всплескивает руками какая-то женщина, – не люб он ей, не люб.

Рядом одна из баб замечает:

– А ты-то сама полюбовно выходила? Да, поди, батяня взял вожжи в одну руку, косу в другую... Сразу согласилась.

Бабы улыбаются.

- А одета-то как!

Да, невеста одета бедновато. Голову веноч украшает. На теле – цветастый сарафан, на плечиках – голубой завязанный у горла платочек. Зато хороша! Сколько парней завидуют сопливому и придурковатому Проклу! Рядом с невестой – два ее брата. Одна другой шепчет:

- Чтоб не убежала, – кивает она на невесту.

Другая добавляет:

- Когда его соплю увидит.

Обе смеются тихонько, не дай бог, если отец жениха услышит. А младший, Петруха, о чудо, на коне, позади, едет.

- Это еще для чего? – дивится народ.
- Да Федор конем хочет похвастаться.

Да, конь был отменным. Ноги высокие, тонкие, круп поджар, шея крутая. Такой сиганет.... Марфа коня выходила, когда он был хилым жеребенком, холила его.

Перед церковной оградой остановились. Прокл весь сиял от счастья. Даже забыл сопли убрать, хоть мать сто раз наказывала:

- Убирай свое добро, а то засмеют.

Нет, длиннющая, зеленая висит до самой губы. Глянула на нее Марфа, чуть не стошнило. «Где ты, Егорушка? Где ты?» – колотится ее сердце. Далеко Егорушка. По приказу боярина он с ватагой на Печору едет. Зверя добывать, а что-то и так взять. А дума-то у него о ней, о своей ненаглядной Марфутушке. Да что с того? Сейчас поведут деву в церковь.... И все. Прощай, Егорушка!

Ударили колокола. Двери в церковь распахнулись. И вдруг Марфа, оттолкнув братьев, бросилась к коню. Скинув Петруху, ловко, по-мужицки, оседлала коняку, да как хлестнет его. Тот взвился на дыбы, да как сиганет. Народ в стороны, Марфу только и видели! А посреде улицы, меж старостинными хоромами да избой невесты, столы стояли. Несколько баб накрывают их к приходу хозяев и их гостей. Хоть время было голодное: новое еще не родилось, а старое поедено, однако столы ломились от разного закуса. Тут и рыбы разные: осетры, стерлядь, огромный сом. Много дичи: глухари, косачи. Пироги с капустой, тыквой, морковью. Медовуха, брага. Но главной изюминкой была зажаренная целиком нетель, сам староста ради такого случая пожертвовал скотину. Да и отец Марфы решил не отставать и отдал двух кабанов. Вот будут сельчане дивиться! Но что это? Мимо столов, точно вихрь, промчалось нечто. Как глянули – остолбенели... Да это ж Марфа! Куды это она?

А Марфа перескочила ограду, заскочила в избу, сбросила свадебный наряд. Что-то быстро собрала и опять на коня. И вовремя. По дороге во всю прыть неся Федор с сыновьями, а сзади бежал староста и орал:

– Держи! Держи!

Но давно известно: конный пешему не товарищ. Услышав крики, она перемахнула через ограду и понеслась прочь во весь опор. Крики только подстегивали ее, а она – коня.

Марфа знала, что за свой поступок она может лишиться и жизни. Но в этот момент она ей была не дорога. Только был страх перед побоями. И она гнала и гнала коня, летевшего и без того птицею, будто понимая, от какой беды он ее уносит. И вдруг он встал, как вкопанный. Марфа едва удержалась в седле.

– Но! Но! – она попыталась погнать коня вперед.

А тот, словно чуя беду, не поддавался на ее команду.

– Ну, что ты! – заплакала она, потянув его за узду.

– Ты куды ето, дева! – раздался за спиной чей-то скрипучий голос.

Она боязливо оглянулась. Меж стволов стоял сгорбленный старичишка, держа в руках лукошко с грибами.

– Там, – свободной рукой показал старик на полянку, – топуче место. Вот она, – подходя, дед кивнул на лошадь, – и не хотить туды.

– А мне все одно! – с каким-то отчаянием в голосе произнесла дева.

– Я ето и вижу. Смотри, как коняку загнала! – он погладил мокрый от пота лошадиный бок. – А тут что? – дед посмотрел на лошадиную грудь.

Во многих местах она была разодрана до крови.

– Ты куды, дева, так торопилась? Не то на свадьбу опаздываешь?

– Со свадьбы! – со злом произнесла она.

Дед вдруг взглянул на нее понимающим взглядом.

– А ну, доченька, – проговорил он мягким голосом, – пошли-ка со мной!

– Куды ето? Не пойду!

– Ты не бойсь, бабка у меня добрая, коняку полечит, те погадат. На ето она у мян ух... прямо волховка.

Он тихонько высвободил узду из ее рук, и они неторопливо направились в лес. Вскоре вышли на поляну, и Марфа увидела избенку из почерневших бревен, вросшую в землю. На лай собаки из открытых дверей показалась чья-то головенка со взбитыми волосами. Солнце било в глаза, и старуха, приложив ладонь ко лбу козырьком, прошамкала:

– Никак ты, Лука?

– Я, Марфуша, я! Встречай-ка гостю. Тя как кличут? – спросил он у девы.

– Марфа, – застеснявшись, произнесла она.

– Марфа! – длинная седая борода деда затряслась, глаза сузились, он неслышно смеялся, – я тя буду звать младшая Марфа.

Девушка поняла причину дедова смеха. Родившееся в ее груди отчуждение вмиг пропало. Подошел пес. Огромная пятнистая собака поглядывала то на деда, то на гостю, точно дожидалась команды хозяина. И дождалась:

– А ну, пошел отсель! – дед притопнул ногой.

Обидчиво глянув на хозяина, пес удалился. Подойдя к двери, дед, кивнув на девушку, сказал:

– Прймай Марфушу. Да поволши ей, – подмигнув, он добавил: – со свадьбы сбегла!

Бабка все поняла.

– Идем-ка, дочка! – и взяла ее за руку.

Кожа на ладони старухи была сухой и грубой. Но как нежно она прикоснулась! Марфа поняла, что это была сердечная, добрая женщина, и сразу прониклась к ней доверием.

Внутри изба не представляла ничего особенного. Как и у многих: у входа мазанная глиной печурка. За ней широкий лежак со шкурами. В углу поставец. У мутного окошка стол с лавками. На входной стене развешана нехитрая одежонка. Отличалось жилье одним: у противоположной стены была вторая дверь. Старая Марфа усадила гостью на лавку у стола, а сама повернулась и вышла из избы. Вскоре вернулась с кринкой в руке. Достав из поставца краюху хлеба и кубок, она, налив молока, сказала:

– Ешь.

Есть Марфе не хотелось. Она было протянула руку за хлебом, но тотчас ее отдернула.

– Не хочу! – проговорила гостья и виновато посмотрела на хозяйку.

Та под села к ней поближе, погладила ее руку.

– Ты, милая, поешь, – взгляд бабки добрый, ласковый, как и голос.

Марфа слегка откусила хлебец. Он был мягким, пахучим. Запила холодным молоком. Еда ей понравилась, точно опробовала это впервые. И вдруг появился аппетит. Когда Марфа расправилась с едой, нежелание смотреть на этот мир прошло само собой. Глаза ее оживились.

– Вот теперь, – заметив ее перемены, сказала старуха, – я те поворожу.

Она поднялась и взяла с полки холщевый мешочек. Запустив туда руку, зашумела чем-то сухим. Как потом оказалось, это были бобы. Бросив горсть на стол, она стала всматриваться в их расклад. Потом заговорила:

– Сердешные дела устремились в дальнюю дороженьку. Тот, о ком ты думаешь, тоже в пути. Но они у вас разные. Не печалься, дочка, – бабка посмотрела на нее и улыбнулась, – он тоже о те думат.

И у Марфы на душе посветлело от таких слов. Но сколько дева ни смотрела на этот расклад, ничего понять не могла.

– А как ты, матушка... – она как-то нечаянно назвала так бабку и посмотрела на нее.

Глазки у той заискрились.

– Че ты хошь? – спросила ласково старая Марфа.

– А... мы встретимся?

Бабка сгребла плоды, вновь перемешала их в мешочке.

– Нуть, – произнесла она, и бобы застучали по столу.

Долго вглядывалась старуха, потом, глядя на кучку бобов, заговорила:

– Вы встретитесь. Только... – бабка закусила губу и смахнула бобы в кучу. – Главное, вы встретитесь. А там как Бог даст. Вот че ждет тя, мила. Так че, не печальси. Дай-ка я те постелю, отдохнешь. У тя был трудный день.

– Бабушка, – на этот раз она назвала ее так, – я хочу те все рассказать.

И та поняла, что она стала считать ее близким и дорогим человеком.

– Расскажи, милая, – ласковый взор ее глаз устремился на девушку.

И Марфа начала свое повествование.

Глава 8

Павша Фоминич, знатный новгородский купец, вкушал со своим сыном Станилом в трапезной. Такой едадьни не было у многих князей. Окна с цветными стеклами выходили на Успенский собор. А внутри от одной мебели захватывало дух. Длинный стол, заваленный русской едой и заморскими сладостями, покоился на тонких изогнутых ножках. Те, кто попадал сюда, диву дивились: и как они могли удерживать все, что находилось на столе. Такие же ослоны. А в поставцах, инкрустированных золотом, за резными стеклами стояла такая же утонченная посуда. Да-а... Сразу видно, деньга у семьи водилась. И немалая. Как тут и боярам не задуматься. Редко бывает, чтобы отец и сын собрались вместе. Купеческое дело таково: если ты хочешь, чтобы в мошне звенело, надо больше искать и даже не искать, а рыскать, где ухватить подешевле, а продать подороже. На этом стоит все купечество.

Сын радуется отцу. Такой же жадный до денег, подвижен. Только вот еще не обветрил, не заматерел. И отец старается вовсю, чтобы сын скорее миновал эту черту. Не всегда получается. Но вот счастье подвалило.

– Хороший купец, – учил отец, – должен знать: а за чем поехал его сосед? Вот, если ен накупит, че и ты хотел, то че будит? – сказав, он смотрит на сына, сдвинув мохнатые брови.

У сына они точно такие же. Да и весь его облик: светлые волосы, толстые щеки, борода, мясистые носы – один в один. Отец ждет ответа. Сын, рыгнув, запил квасом только что оприходованный кусок свинины, обтер усы.

– Че будит? – машинально повторил сын, – да... неча будит считать.

– Во! – отец поднял указательный палец, – а чтобы етого не было, че надоть делать? – и отец потянулся за корчажкой с квасом.

Сын склонил голову и уставился на отца. Тот, напившись, поднял край скатерти и обтер губы. Сгрел свою густую бороду и повертел ею.

– Етот вопрос... труден, – сознался сынок.

Отец оценивающе посмотрел на сына. Вроде хотел разгадать: можно или нет ему это сказать.

– Ну, жду, – сын пошарил по столу глазами в поисках, что бы еще отправить в рот.

Хотел было взять вареную морковь, но почему-то раздумал.

– Знаешь, – заговорил наконец отец, – в нашем купеческом деле деньгу можно зарабатывать и без... товару! – сказав, он хитро прищурил глаза.

Станил не без удивления посмотрел на отца.

– Думается мне, батяня, издалека заходишь.

Глазки отца стали еще уже. В них появился непонятный блеск: не то от неразгаданной его хитрости, не то от своего торжества.

– Ты что-нибудь слыхивал об Осипе? – отец колыхнулся своим грузным телом.

– Это Захарович? Боярин?

– Ен, ен.

– Да... вроде в купетство не собирается, – произнес сын и ногтем стал выковыривать из зубов остатки мяса.

Отец усмехнулся:

– Ты вишь, как мы живем! – сказав, облокотился о стол, поднялся, подошел к венецианскому зеркалу.

За такое зеркало любая княгиня не пожалеет никаких денег.

– А вот Павша не стал его продавать. Пушай видють и завидують!

Взял чесалку, прошелся несколько раз по волосам. Тряхнул шевелюрой и, положив чесак, пятерней, по привычке, пробежал по волосам. Потом, повернувшись к сыну, сказал:

– Вот и ен хочет жить, как мы.

– Пушай торгует. Места всем хватит!

– Э-э, сынок, – Павша подошел к нему, облокотился одной рукой о спинку ослона, – ты чем торгуешь?

– Батяня! – сын укоризненно посмотрел на отца.

– Ладноть! – махнул тот рукой, выпрямляясь, – ен послал за шкурами, медом, воском... – сказав, стал в упор смотреть на сына.

Станил заворочился.

– Пушай скупат. Все не скупит.

– Пушай, пушай, – занервничал Павша. – Да не скупать ен будет. А менять! На рожь. Понял? Тут у нас кадь ржи сколь стоит?

Сын пожал плечами.

– Три гривны. Ех, ты, купчина! – отец осуждающе посмотрел на сына. – Видать, рановато я тя пустил сам по себе.

– Ты че, батяня? – поднялся сын, почуяв, что отец может взъерепениться, тогда все... опять посадит на привязь.

– Че, че, – опять передразнил он, – там счет пойдет на шесть аль семь гривен, понял?

Сын кивнул.

– Ты куды хотел путь держать? – не отстаёт отец.

– Ну... до Литвы аль немчуры. Те у меня прошлый раз просили...

– Просили... – не унимается отец, – а если Осип тя опередить?

Сын чешет затылок. Он что-то стал понимать.

– Че делать-то, батяня?

Отец взял ослон и сел рядом со Станилом.

– Ты должен добратсья до Гедимины.

– Самого?! – почти воскликнул сын.

– Ты кто?.. Купец! Вот и предложь ему что-то особое. Сходи к золотникам. У них быват... чудо из чудес. Понял?

Сын кивает головой.

– После такого подарка, – отец продолжил, – он тя начнет расспрашивать. А ты как бы невзначай и скажи, мол так и так, Осипка послал свой люд на Печору. Добра привезут... Вертаться будут, когда... – тут ты прервись. Понял?

– Ен же спросить.

– А ты... вертись, чтоб ен догадался и деньгу те дал. Понял?

Сын с улыбкой кивает. А потом спросил:

– А если Гедимины не будить?

– А ты ж... к немцем поедешь?

Сын в подтверждение кивнул.

– Ну... те тожить падки на ето дело. Понял, дубина? – отец шутливо толкнул сына. – Ступай, готовь обоз!

Уже взявшись за дверную ручку, сын оглянулся:

– К осени, вокурат, поспею.

К Гедимину, как Станил звал Великого литовского и русского князя, он не попал. Хотя подарок для него приготовил отменный. Новгородские мастера постарались. С таким – хоть к самому римскому императору не стыдно идти. Правда, золотники цену заломили. Но купчина прежде всего должен уметь прикидывать: выгодно аль нет. Таким соображением Павша наградил его не хило. Станил быстро прикинул и, крикнув, высыпал деньгу на стол. Дома он

долго любовался вещицей. Она изображала битву грифона с чудовищем. В глазах сверкали изумруды, кровь горела прожилками рубина. Глядишь на это творение и не наглядишься. Руки так и чесались положить вещицу в поставец, да холодный разум приказал другое. «Все оправдается!» – успокаивал он себя.

А не попал Станил к Великому литовскому князю потому, что Гедимин сдержал слово, данное Дивону, и павшему на пепелище Пунэ смертью героя князю Маргеру и посетил того, кто протянул руку помощи литовскому князю.

Князь и его сыновья горели огромным желанием отомстить тевтонцам. Гедимин с войском старался подобраться к врагу скрытно. Отличный полководец, князь понимал, что внезапность – это уже половина победы! Каково же было его удивление, когда он вдруг увидел перед собой готовое к бою тевтонское воинство.

– Душепродавцы! – слетело с его губ.

Он понял, что кто-то выдал его тайну. Но князь не трусил и не бросился назад. Быстро оценив обстановку, он подозвал к себе одного из самых даровитых сыновей.

– Олгерд, – сказал он ему, – скрытно зайдешь с тылу.

Сын, поглядев на тевтонцев, понял задумку отца, кивнул головой и поскакал к своим воинам. Студас и Драйнас при виде тевтонцев переглянулись взглядами, ибо это было дело их рук. Они торжествовали: теперь-то великий князь наконец-то получит по заслугам и будет зализывать свои раны, а Литва никогда не станет православной!

Гедимин решил атаковать врага, выставив по флангам Любарта и Кейстута. Сыновья великого князя так и рвались в бой. Но чего-то выжидал их отец. Его удлиненное лицо спокойное. Он только изредка поправлял длинные, заходящие за скулы, усы. Твердый взгляд говорил, что в его груди бьется по-прежнему боевое сердце. Видя широко расправленные плечи великого князя, Студас и Драйнас перестали улыбаться. В них все больше и больше проникало желание рубануть сзади своего тайного врага. Но страх сковывал их желание. Рука князя разила насмерть.

А великий князь выжидал, когда Олгерд зайдет в тыл врагу. По его прикидке, сын должен был вот-вот появиться за спиной врага. Привстав в стременах, он поднял меч. Гроном пронесся его голос:

– За павших! – и толкнул коня вперед.

Тевтонцы рубились отчаянно. Но литовцы не уступали, а даже превосходили врага, глядя на князя. А тут еще подоспел и Олгерд. Тевтонцам, тем, кто остался жив, пришлось спасаться бегством до своего замка.

Гедимин решил с утра начать штурм, дав ночь на роздых. Поздно вечером, обходя становище, Гедимин нечаянно наткнулся на Студаса. Тот, кланяясь чуть ли не до земли, сладким голосом поздравил князя с победой.

– До победы еще далеко, – ответил Гедимин и хотел уже продолжить путь.

Но Студас предложил ему заглянуть в их шатер. К его словам присоединился и выглянувший оттуда Драйнас. Открыв полог, он сказал:

– Великий князь, отведай с нами чем бог послал, – и сделал жест рукой.

Какое-то предчувствие подсказывало князю не делать этого. Но... умоляющие глаза и покорность в их фигурах смутили князя.

– Эх! – махнул он рукой, шагнув к шатру. Остановившись у входа, произнес: – только на одно мгновение.

– Да, да! – враз воскликнули они.

Отведав куриную ножку и запив ее русской брагой, князь поднялся. Обтерев ладонью усы, сказал:

– И вы ложитесь. Завтра – штурм! – дав этим понять, что больше задерживаться он не может.

Наутро, проснувшись, великий князь почувствовал какое-то недомогание в теле. Пере-
сильив себя и решив, что в бою разомнется и все пройдет, повел людей на штурм.

И вот он бьется на крепостной стене. Еще один натиск – и враг будет повержен. Но что
это с князем? Его меч вдруг с трудом стал рассекать воздух. А с его губ вторично сорвалось:
– Душепродавцы!

Да кто это услышит! Кругом крики, стоны, ругань да звон клинков. Какой-то тевтонец,
легко отбив его выпад, успел рубануть великого князя. Он пошатнулся. Меч выпал из его рук.
Князь упал на колени, а потом рухнул на стену. Литовцы еле отбили у воспламенившихся
тевтонцев тело своего князя. Печальная весть покатила по Литовской земле и докатилась
до границ русских княжеств.

Станил узнал об этом, когда объявился с товаром в Вильно. Торговля шла плохо, и он
тайно зашел в немецкие земли. Тевтонский магистр с распростертыми объятиями принял
русского купчину. Еще бы! После такой победы даже у желчных людей появляется настро-
ение. С благодарностью приняв подарок, магистр долго его рассматривал и в какой раз пере-
спрашивал:

– Где же его сделали? В Константинополе, Риме, в Венеции?

И в какой раз купчина смиренно отвечает:

– В Новгороде, мой господин.

Тот смотрит, качает головой и говорит:

– Однако!

Магистр не хочет оставаться в долгу и после долгих раздумий дарит ему перстень
с изумрудом. Купец отмечает про себя: «Часть затрат я уже вернул!» и начинает разговор
вначале о плохой торговле в Литве после победы тевтонцев над ними, чем порадовал маги-
стра. Незаметно перешел и к русским делам, аккуратно перейдя к тому, что уже и бояре стали
рваться к купеческому делу. А для этого не чужаются и разбоем. Так, один боярин послал
ватагу лихих людишек в далекую Печору. Магистр был не дурак. Сразу оценил слова купца.
Но вида не подал. Купец же был неплохим учеником. Дойдя до самого интересного места,
вдруг заговорил о том, что он, дескать, мало привез к ним зерна. Его разобрали вмиг. В сле...
Но магистр перебил купчину. На его тонких губах заиграла улыбка:

– Я... сейчас!

Он ненадолго отлучился. Вернулся с кисетом в руке.

– Надеюсь, этого хватит? – сказал магистр, развязав кисет и показывая содержимое.

Там мелькнули золотые монеты. Купец виновато улыбнулся, еще был молод, не зака-
лился и неловко взял деньги. Ему пришлось рассказать, какими путями будет возвращаться
в Новгород боярская ватага.

Проводив гостя, магистр вызвал к себе Конрада фон Вернера. Рассказав ему о посеще-
нии русского купца, он предложил рыцарю встретить возвращение русского отряда. В ответ
рыцарь понимающе кивнул. Видать, не в первый раз ему приходилось выполнять подобные
поручения. А куда деваться? Мы тут не в Азии. Перед его уходом магистр неожиданно спро-
сил:

– Ну как твой оруженосец?

Рыцарь ухмыльнулся:

– Отличный воин! Побольше бы таких. Все идет к тому, что он примет нашу веру,
а там...

Они улыбнулись друг другу.

Всю дорогу от тевтонцев Станил ощупывал магистров кисет. Отец был прав:
и без товара можно «зарабатывать» деньги.

Глава 9

Весть о кончине Великого литовского князя Гедимина в Северной Руси встретили неоднозначно. Кто радовался, боясь попасть к нему в зависимость, кто – безразлично. Но вот Московский князь всея Руси воспринял эту весть с огромной жалостью. Когда известный не только на Руси купец Федор Елферьев вернулся с Запада, где был по торговым делам, и рассказал об этом Ивану Даниловичу, князь даже побледнел. Купец испугался и стал звать на помощь.

– Ничего! – разминая грудь, проговорил князь и отпустил Федора.

Иван Данилович последнее время частенько побаливал. И вот сейчас, когда дело пошло на поправку, эти известия подкосило его. Собравшись с силами, он подошел к окну. Голубое небо было чисто. Несколько пацанов играли на кремлевской стене. По всей видимости, они отбивались от неведомого врага. Это немного развеселило князя. Он даже улыбнулся. Но мысль вновь вернулась к известию. Оно рушило всю тайную задумку великого князя. С Гедимином в последнее время у него стали налаживаться добрые отношения. Чтобы их закрепить, они породнились. Иван Данилович сосватал своему старшему сыну Семену дочь Гедимина, Айгусту. Она приняла крещение под именем Анастасии. После этого Гедимин повернулся к христианству. Как свидетельствовал митрополит, литовец собирался принять их веру. О том, что тот серьезно готовился совершить такое деяние, свидетельствовало то внимание, которое он стал уделять христианству. Особенно оно усилилось, когда Айгуста-Анастасия родила обоим дедам на радость внука, Василия. Оба князя думали почти одинаково: Русь соединилась с Литвою. Христианство перетягивало. Литовец согласился. Рождалось досель не виданное по мощи государство. Оно будет диктовать миру свои условия.

Но многие литовцы были против. И требовалось время даже для такого авторитета, как Великий князь литовский, чтобы свыкнуться с мыслью о христианстве. А дальше в тайных замыслах Ивана Даниловича было, заключив дружеский союз с новым христианским государством, объединить силы против Узбека. Да... мечты, мечты. Как быстро они рухнули. Как жаль! Князь тяжело вздохнул и вернулся на одр.

Нежданная смерть Гедимина вызвала смятение не у одного московского князя. Даже его сыновья, особенно Олгерд и Кейстут, были недовольны решением отца оставить на великом княжении самого младшего из семи сыновей, Евнутия. За что он так полюбился отцу, трудно сказать. У него был мягкий, добрый характер. Да и сам он был каким-то по-девичьи нежным и отзывчивым человеком. Но в этом жестоком мире его доброта и отзывчивость могли принести несчастье не только ему самому, но и другим братьям.

И вот два наиболее дерзких, решительных и волевых брата, Олгерд и Кейстут, кстати, они были от второй жены Гедимина, русской княжны Ольги, сговорились меж собой выгнать младшего из Вильны. Инициатором этого заговора был князь троцкий Кейстут. Он приехал к витебскому князю Олгерду, который получил это княжество в приданое, когда женился на витебской княгине, и сказал ему:

– Тебе следует быть великим князем в Вильне. Ты старший брат, а я с тобой буду заодно.

Тот, подумав, согласился. И они сговорились о совместном выступлении. Но когда Кейстут явился под Вильно в назначенное место, там Олгерда не оказалось. Евнукий, узнав о появлении брата с вооруженным отрядом, послал к нему Драйнаса. Кейстут, поразмыслив, принял его. И вот Драйнас увидел рослого, с окладистой бородой и зоркими глазами, троцкого князя.

Кейстут, зная, зачем Евнутий прислал Драйнаса, не стал слушать его, а объявил:

– Передай своему князю, что он не по чину занял это место.

Драйнас от таких слов даже опешил и в первое мгновение не знал что сказать.

– Э... Э... как это можно... А воля... отца? – пролепетал он.

– Ты меня слышал? – рявкнул троцкий князь.

– Да, да... – и пятясь, Драйнас удалился.

Седлая коня, оглянувшись на княжье стойбище и тихонько выругался:

– Русский боров! Ну... погоди.

Кейстут не стал ожидать братца, а подозревая сотского, шепнул ему на ухо:

– Следуй за ним, – и кивнул на спину удаляющемуся Драйнасу, – и когда он будет входить в крепость, надо захватить ворота.

Тот кивком пояснил князю, что все понял, и отправился к своим людям.

Кейстут был своенравным князем и, если он что решал, ничьи уговоры на него не действовали. Даже отцовские. Когда-то, стремясь завязать с поляками добрые отношения, отец хотел с ними породниться. Для этого он решил сосватать дочь князя Мазовецкого за сына Кейстута. Да не тут-то было. Оказывается, сын был... влюблен. В это с трудом верилось. Как этот мужиковатый, грубоватый человек и вдруг... полюбил. Но... это было так. И как оказалось в будущем, эти люди не изменяли своей любви всю жизнь. Предметом его обожания была девственная жрица богини Праурымы, красавица Бирута, дочь знатного жмудина. Ее обязанностью было поддерживать постоянный огонь перед богиней. Судьба однажды занесла Кейстута на песчаный морской берег, вблизи которого шумел сосновый лес. А посередине его, на холме, находилось святилище этой богини. Там он и увидел ее. Плененный ее красотой, а до этого он и слышать не хотел о женитьбе, он тотчас захотел на ней жениться. Девушку не смутило ни его княжеское звание, ни увещание главной жрицы. Она отказала. Тогда он, подняв ее, как пушинку, на руки, трижды обнес вокруг священного огня. Так она стала его женой. Чему она покорилась: его мужской силе, доброму сердцу, – остается только гадать. Когда отец узнал, что непокорный сын привез себе жену, он, как вихрь, ворвался к ним. Но увидев ласковый, мягкий взгляд ее прекрасных очей, стройную, точеную фигурку, вдруг махнул рукой и повернул назад.

Сотскому удалось ворваться в след не ожидавшего нападения Драйнаса, а тут подоспел сам Кейстут. Евнутий, услышав, что шум битвы с невероятной скоростью приближается к его дворцу, бежал. Кейстут послал за ним погоню и пленил его. К этому времени подоспел и Олгерд. На своем суде они приняли решение: отдать Евнутию в правление Изяславль. Потом все тот же неумный Кейстут собрал всех братьев, и они условились, что Олгерд будет великим князем, а все слушаются его, и все, что добудут: город или волость... все делить пополам и жить до смерти в любви, не мыслить лиха друг другу.

К сожалению, порой жизнь заставляла нарушать этот договор.

Иван Данилович пригласил к себе сыновей Семена, Ивана и Андрея и поведал о договоре сыновей Гедимины. Братья поняли, что отец хотел бы, чтобы они поступили так же и всеми мерами расширяли московские границы, как Олгерд. И не только поняли, но обещали следовать его желанию.

Этот разговор с сыновьями великий князь Всея Руси завел не случайно. Он чувствовал, как жизнь уходила из его тела. Особенно его состояние ухудшилось после Пасхи. Он пригласил к себе священника и объявил ему, что хочет принять монашеский сан и взять имя Ананий. Когда священник, совершив полагающиеся для этого действия, ушел, Иван Данилович вдруг почувствовал облегчение и даже прилив сил. Приказав монаху и службе оставить его одного, он поднялся, прошелся несколько раз у своего одра, точно оценивая силы. Остановился и, держась за спинку одра, отдышался. Тут, видать, и пришло желание, пройти в молельную комнату. Там он помолился. Выйдя из нее, ощутил голод и направился в трапезную.

Молва, что князю стало лучше, промчалась по хоромам, чтобы затем выплеснуться на улицу. Люди вздохнули с облегчением, крестясь от всего сердца, и благодарили Всевышнего. Князь поужинал и его потянуло в сон. Но, прежде чем пойти в опочивальню, он вышел на крылец. Когда он глянул на знакомый двор, зашумела тысяча голосов:

– Калита! Калита!

Он постоял. Слезы навернулись на его глазах. Потом, вздохнув, окинул взором окружающий мир и тихонько пошел к себе, чтобы больше его уже не увидеть. А утром вдруг загудели колокола: тревожно, жалобно, угнетающе. Весть о кончине Калиты быстрее молнии полетела по Московии. И поднялся на Руси такой плач, от которого все вороны отлетели прочь от своих обжитых мест. Но его уже не поднять, а жить-то надо. И стало мучить другое: «А кто заменит?».

– Да, Семен! – отвечали знатоки.

– Так его же нет. Он в Орде, – отвечали с испугом на лице некоторые.

– Вернется! – уверяли знатоки.

Весть о кончине Ивана Даниловича застала Андрея Пожарского на новом месте, пожалованном Калитой, где он готовился к обустройству. Кто-то подсказал, что есть хороший строитель Сафон Кажан, новгородец. Он самому Калите строил. Этот довод был убедительным. Гонец поскакал к Кажану. А пока что шла разбивка. Свои хоромы Андрей хотел поставить по образцу московских. Уж больно об этом просила Дарьюшка. А как откажешь любимой жене? Вот за этой работой и застала его страшная весть. Он, не раздумывая, немедленно вернулся в Москву.

Встреча с Василием Кочевой все поставила на места. Боярин не то от расстройства, не то от простуды захворал. Они долго о чем-то разговаривали. Было ясно из этой встречи одно: они расстались не только по-дружески, но чувствовалось, что и сблизились в своих помыслах. Вернувшись к себе, Пожарский объявил жене и друзьям, что срочно отбывает в Орду.

Не стал терять время и Кочева. Он собрал у себя в трапезной бояр и купцов, о которых он знал, что они верой и правдой служили Калите. К нему пришли Федор Плещей, Лука Протасов, Василий Вельяминов, Василий Коверя, Федор Елферьев. Несмотря на то, что на улице стояла теплынь, в помещении топились печи. Кочеву лихорадило. Он вышел к ним в овчинной телогрейке, на шее – шерстяной платок. Он кивнул головой и сел поближе к огню. Служка, сопровождавший его, молча взял корчагу и разлил медовуху.

– Помянем, – хриплым голосом проговорил хозяин.

Все поднялись и осушили кубки.

– Да, – обтирая усы и садясь проговорил Плещей, – осиротели!

– Жизнь берет свое, – прохрипел хозяин, – нам надо подумать, чтобы в Москве кто бучу не поднял, пока явится Семен Иванович, – сказав, кивнул службе, чтобы тот разлил по второй.

Выпили дружно. Заговорил Лука:

– Те надо было, – он смотрит на Коверю, – Александра Ивановича и Федора Акинфовича покликать.

– Я их уже кликал, – ответил боярин.

– К Семену Ивановичу послал гонца? – спросил Вельяминов.

Тот кивнул, но кого послал, говорить не стал.

Они сидели долго, говорили обо всем. Но любая тема разговора заканчивалась одним тревожным вопросом: сумеет ли Семен ладить с Ордой? И каждый раз Кочева утвердительно кивал головой, приговаривая:

– Сумеет!

Причем чем дольше они сидели, тем уверенней был его голос. От выпитого его прошиб пот. Он развязал платок на шее.

– Фу, жарко! – с какой-то радостью произнес он.

Гости весело переглянулись. Перед уходом он им сказал:

– Пошлите своих в народ. Пуцай слухают, че те говорят. Если что, ко мне!

А тем временем небольшой отряд хорошо вооруженных всадников «о трех конь» мчались галопом в юго-восточном направлении, оставляя позади московские земли. Благополучно миновали и рязанские земли.

То время, какое прожил Андрей Пожарский в Москве, было заполнено хозяйственной деятельностью, семьей. Рождение первенца вообще привязало князя к дому. Поэтому внутреннюю жизнь Московии и внешнюю, тем более, он не знал. Встреча с Кочевой на многое открыла ему глаза. Тот поведал о борьбе, которую пришлось вести Ивану Даниловичу не только с Тверью и Новгородом, но и с другими соседями. Благо, что он умел ладить с Ордой, а то неизвестно, чем бы все это кончилось. Народ за это возлюбил своего князя, поэтому так громко и рыдал. На вопрос Ковери: каким он ожидает княжение Семена, Федор ответил:

– Яблоко от яблони недалеко падает.

Поэтому, когда Коверя сокрушался, кого бы отправить с такой вестью к Семену, Андрей не колебался, предложив свои услуги.

– Дозволь, боярин, мне это сделать!

Наверное, по душе Кочеве пришлись княжеские слова. И он, положив гостю на плечо руку, проговорил:

– Давай! Да хранит тебя Бог!

И пояснил:

– На ярлык могут быть претенденты. Трудно сказать, как поведет себя тверский князь Константин Михайлович. Неведом пока и другой Константин Васильевич, князь суздальский. Так что желающие есть! Все зависит от Орды! Нет пока у нас человека, который был бы так вхож к хану, как, царство ему небесное, наш Калита, – посокрушался боярин.

Андрей понял: Московии угрожает опасность!

Степь дыхла хоть и подзабытым, но таким знакомым, родным запахом. И поползли в голову воспоминания. Как их с Митяем, ставшим атаманом, повязали татары. Как они, в свою очередь, захватили царевича. И тут мысль перекинулась на завтрашний день: как хан его примет? Не возомнил ли себя правителем Вселенной? Но зря опасался. Встреча произошла неожиданно. На подъезде к Сараю задремавшего князя разбудил один из его воинов.

– Князь! – позвал он его.

Но тот не откликнулся. Видать, бодрствование на всем долгом пути сказалось. Почувствовав себя у цели, нервы сделали свое дело.

– Князь! – уже во весь голос рявкнул страж.

– Что? Что? – очнулся князь.

– Гляди! – и воин рукоятью плети показал направо.

Андрей повернул голову и увидел какого-то всадника, скакавшего прямо на них во весь опор.

– Че ето он? – недоумевает страж.

– За бирюком гонится! – пояснил князь, заметив мелькавшую среди кустов серую спину овчара.

– За кем? – переспросил воин.

– Да за серым! – крикнул Пожарский, и его плетъ внезапно просвистела в воздухе.

Конь сорвался и поскакал навстречу охотнику.

Воин в недоумении посмотрел вслед князю.

– Куда ето он?

А князь, приглядевшись, внезапно подметил, что посадка этого всадника ему весьма знакома. Как бы тот ни садился, а все сползал на левый бок. Так скачет и этот. Неужели... он?

– Он или не он?

Оказался он! В это трудно было поверить. Пожарский же подумал одно: небо стоит за Семена! Всадник же, увидев незнакомца, внезапно преградившего ему путь, готов был растоптать конем этого смельчака, сорвавшего ему возможность заполучить хорошую добычу.

– Не узнаешь, великий хан? – слышался насмешливый голос.

Хан натянул поводье. И не поверил своим глазам.

Встреча была не только дружественной, но и горячей. В шатре Андрей и поведал хану о несчастье, постигшем Русь. Узнав о кончине Великого князя всея Руси Иоанна Даниловича, Чанибек так искренне опечалился, чем несказанно удивил своего нежданного гостя.

– Он была мэнэ друзя. Луче нета. У мэна забол... – он ударил себя в грудь.

Пожарский сказал:

– О нем плачет вся Русь. Он был умным, справедливым князем. Умел ценить дружбу.

– Да, да! – как-то быстро проговорил хан и добавил: – Жалко, ой, как жалко!

– А где же князь Симеон Иоаннович? – поинтересовался Пожарский, не увидев княжича.

Так посоветовал Кочева в официальных встречах именовать князей. А также, в свою очередь, посоветовал это и митрополит Феогност.

– Так звучит более значимо, более увесисто, – пояснил он.

Хан отставил бокал с арзой и посмотрел на Андрея печальным взглядом:

– Да они с Бердибеком уехали на охота, – потом добавил: – моя старшая сына.

«Это здорово! Княжич идет по стопам отца», – невольно подумал Андрей.

– Когда вернутся? – поинтересовался князь.

Хан пожал плечами:

– Думай, нэ скоро. Как ба ушол нэ до бэлых гор. Обвоз бальшая с собой взяла.

Несколько дней Чанибек не отпускал от себя русского гостя. Такое отношение к русскому бесило некоторых татарских князей. Одним из них был Зарухожа. Он скрипел зубами при виде, как хан навязывал русскому дружбу. Рука тянулась к рукояти. И только тургауды спасали хана от немедленной расплаты. «Когда вернется Бердибек, он все ему расскажет», – с ненавистью думал татарский князь.

Как бы ни опекал Чанибек Андрея, князю удалось подметить, что в ханском шатре появляются какие-то русские. «Значит, прав был Кочева. Неужели эти посланцы хотят предложить хану своих правителей на великое княжение? Может быть, хан нарочно так себя ведет?» – думал Андрей. И решил действовать решительно и объявить, что ему пора возвращаться. Но он был в тягостном раздумье: «Как это сделать?» И решил: если хан его не спросит, то тогда он сам спросит, кто будет на великом княжении.

Еле вырвался гость из цепких рук хозяина. Когда настало время прощания и Андрей решился задать этот важный вопрос, хан, хитро прищурился, вдруг неожиданно спросил:

– Твоя сюда не за этим прибыла?

Сердце Андрея забилося: «Что же хан решил?». Понял, что тот задал вопрос неспроста. Пожарский рассмеялся:

– Я давно ждал твоего вопроса. И ответу – не за этим, а затем, чтобы подарить тебе... вот это.

Он достал из кармана перстень, в котором алмаз горел ярче солнца. Глаза хана загорелись жадным огнем. Он взял его и стал рассматривать с разных сторон. Но как бы он его ни вертел, блеска не убавлялось.

– Хорош! – восторженно воскликнул хан, надевая его на палец. Он еще вертел рукой, любясь подарком. Потом, улыбаясь во весь рот, лукаво поглядывая на гостя, объявил:

– Семен будэть великым князем! – и поднял палец с сияющим кольцом.

– Великий хан, ты все сделал правильно, и Русь всегда будет за это благодарна тебе.

Ну, прощай, великий хан! Бог даст, еще увидимся.

Они по-братски обнялись. Татары неодобрительно загудели. Но грозный взгляд повелителя в мгновение заткнул их глотки. При этом хан заметил:

– Нэ всэ одобрят наша дружба!

На что Пожарский ответил, садясь на коня:

– С нами дружить – богатым быть! – и хлестнул лошадь.

Глава 10

Конрад фон Вернер весьма заботливо отнесся к своему спасителю. Он выпросил у магистра келью для него рядом со своей. Это казалось немыслимым. Как же! Какой-то прусс получает жилье в рыцарском царстве. Все это подчеркивало особое расположение магистра к Конраду фон Вернеру. Вот только по размеру она была в два раза меньше. А мебель почти одинаковая: узкий лежак, покрытый шкурой. У двери – поставец для одежды, у высокого окошка – столик с ослоном. На стене, с другой стороны от поставца, – меч, лук с колчаном и латы. Келья почти не обогревалась. И только в трескучие морозы топили печь, от которой по трубам бежала подогретая вода.

Попав так чудесно в замок, Гланду просто не терпелось поскорее узнать о брате. И он стал выбирать подходящий момент. Наблюдая за строгой жизнью в замке, он нечаянно стал свидетелем одного кровавого события. Рыцари казнили какого-то пленника только за то, что тот, войдя в келью одного рыцаря, посмел взять в руки его меч.

– Для чего он это сделал? – рыцари задались этим вопросом. – А для того, – ответили они сами же, – чтобы убить того, кому принадлежит оружие.

И ему невольно пришла мысль: «А если они вдруг обнаружат мой истинный замысел, тогда я не помогу брату и сам лишусь жизни. Поэтому надо быть особенно осторожным, терпеливым, хитрым и ждать удобного момента.

Однажды в келью Гланды неожиданно заглянул фон Вернер. Открыв дверь, еще не успев пересечь порога, он воскликнул:

– Валяешься! – голос был нестрогий и неосуждающий, в нем слышались шутливые нотки.

Камбила вскочил.

– Лежи! Лежи! – поднял он руку, – только скажу: завтра отбываем!

– Куда? – невольно вырвалось у Камбилы.

Лицо рыцаря посуровело, и он назидательным тоном сказал:

– У нас не принято что-либо спрашивать. Рыцарь обязан беспрекословно выполнять повеление старшего.

– Все будет так, мой рыцарь! – полусерьезным, полужутливым тоном ответил Гланда. Рыцарь кивнул головой, мол, принимается сказанное им, а сам подошел к поставцу.

Открыв дверцу, он увидел, что тот был пуст.

– Да-а, – он захлопнул дверцу, – пойдем!

Фон Вернер привел его в свою келью. Его поставец был в несколько раз шире. Прикинув рост Гланда, он достал оттуда кожаный утепленный охабень. Камбила понял, что поездка будет длинной и не в теплые края. И как бы в подтверждение его догадки, рыцарь подал ему теплую вязаную свитку с видлогою. Нагнувшись, вытащил меховые сапоги с высокими голенищами.

– Померь! – приказал он.

Сапоги оказались впору.

– Бери!

Гланд сгреб было все в охапку, чтобы уйти, как фон Вернер, показав на ослон, проговорил:

– Садись.

Камбила стал осматриваться, куда бы все это положить. Конрад понял и показал пальцем на лежак:

– Сюда.

Когда гость присел, Вернер из другой половины поставца достал черную бутылку с вином и два кубка. Разлив вино, Конрад поднял кубок:

– Я хочу выпить за тебя, своего спасителя. Не окажись ты рядом, лежали бы мои косточки там и мыл бы их холодный осенний дождь. И я рад, что судьба свела нас. Я вижу, ты отважный воин, исполнительный и честный человек. Готовься стать рыцарем. И магистр за то, чтобы это свершилось. Я мыслю, что вернувшись из похода, где ты докажешь свою приверженность нашему делу, ты, став истинным христианином...

При этих словах Вернера Камбила так посмотрел на рыцаря, что тот осекся.

– Ты... что? Против?

Мысль прожгла мозг прусса: «Что ответить: да или нет? Но если нет...».

– Ты раздумываешь? – он приблизился к Камбиле.

– Э-э-э, вовсе нет, мой рыцарь! Я думаю, все будет решено после удачного возвращения. На все воля Перун...

Но рыцарь его перебил.

– На все воля Господа нашего Иисуса Христа!

Камбила ничего не сказал, только опустил голову. Рыцарь подсел поближе и обнял его за плечи.

– Ты что заговорил, а? Давай-ка еще пропустим!

Рыцарь опять наполнил кубки. Вино развязало язык. Келейная жизнь рыцаря не очень-то, видать, приходилась ему по душе. Она, вероятнее всего, просила порой общения. И очень сильно. И Конрад заговорил:

– Ты знаешь, – он всем телом повернулся к Камбиле, – путь нам предстоит на Русь.

Бывал ли ты там и что знаешь о той стороне?

Прусс отрицательно покачал головой:

– Нет, не бывал. Но слышал, что там есть и крепкие княжества.

– Хэ! – усмехнулся Конрад. – Они не только сильны, но и богаты. Ты бы видел, какие у них меха! Просто чудо! Возьмешь в руки, а он весь горит, переливается, глаз не оторвешь. А меда какие! Таких нигде нет! Вот тебе и Русь. Скажу о ней еще: смелые, надо отдать им должное, воины – руссы. Мы не раз с ними схватывались. И они сильно порой нас бивали. Был у них такой князь Александр. Они его Невским прозвали. Он шведов побил. А нас на другом озере осилил. Все началось с Пскова, – рыцарь разохотился к разговору, отхлебывая по глотку из кубка, он стал рассказывать, причем с жаром, как все происходило, – Рим. Слышал о таком граде – спросил он у Камбилы.

Тот пожал плечами. Тогда Конрад пояснил:

– Это город, где живет наш папа.

– А кто такой папа?

– Папа? – рыцарь на мгновение задумался. – Ну, у вас он называется верховным жрецом, – нашел он ответ.

– Криву, – подсказал Камбила.

– Может, Криву, – безразличным тоном произнес Конрад и продолжил: – так вот наш папа, ваш Криву, хочет, чтобы мы этот народ приобщили к истинной вере. Он искренне желает, чтобы он встал на верный жизненный путь. А наш папа – живой посланец Бога на Земле! Понял? – он посмотрел на Камбилу, но тот слушал, не выражая интереса.

Рыцарь сделал несколько глотков. Хотел еще долить, но бутылка была пуста. Пришлось ему встать и идти за следующей. Вероятно, по пути решив, что не стоит еще раз подниматься, он вернулся с двумя бутылками в руках. После доброго кубка разговор продолжился.

– Так, что я тебе сказал? – рыцарь посмотрел на Камбилу.

– Ты сказал, что ваш папа живой...

– Да, – не дав договорить, Конрад перебил его: – так вот, наш орден, а сейчас сильнее его нет, – не без хвастовства заявил он, – и выбран им, чтобы Русь приобщить.

– Подожди! – осмелел Камбила, – ты же начал разговор о Пскове, а перекинулся на папу.

– Да, верно... мы уже владели Копорью, Псковом и другими землями, когда в Новгороде появился этот Александр. Он начал войну против нас. Не скрою, эти земли он вернул. Но этого ему показалось мало. Как нам стало известно, он задумывал поход против нас. Но разве мы могли такое допустить! Наш магистр решил поставить на место зарвавшегося русака. Но... мы опять были биты! – с горечью в голосе произнес рыцарь. – И нам пришлось испытать унижение и идти с поклоном к нему, отдав все земли: и Воть, и Лугу, и Псков, и Летголу и умоляли разменять пленников. Вот что такое Русь.

– Но Русь, как я слышал, состоит из нескольких княжеств.

– Так оно и есть, – ответил рыцарь.

– А какое княжество самое сильное? – не унимался Камбила.

– Самое сильное... – рыцарь на мгновение задумался, – да, пожалуй, Московское. Там очень умный князь. Как они его называли... то ли Куль, то ли Рогожа... Вылетело из головы. Но хочу признаться, – и зачем-то посмотрел на дверь, – он не хуже вашего Гедимины подгребает земли под себя. А может, и лучше. Только ваш раздвигает границы все мечом да кровью, а тот больше умом.

Это сравнение поразило Камбилу. Что он слышит! Хотя Гедимин был ему, в общем-то, безразличен. И даже больше: они побаивались его. Говорят, где он проходил, там море крови было. Кровь была и у этих тевтонцев. Это он видел собственными глазами. Но чтобы раздвигать границы и не лить кровь? Это что-то особенное. Пунэ показала ему ярко, что такое война. Сколько горя, несчастья несет она! А вот есть люди, которые обходятся без этого. Вот это здорово!

Так рыцарь, ни о чем не ведая, залил в душу своего слушателя не одну любовную каплю к этой далекой, неизвестной и таинственной земле.

– А ты что плохо пьешь? – вдруг как-то резко произнес рыцарь, видя, как Камбила только пригубился к кубку.

– Да не привык я, – нашелся парень.

– Привыкнешь! – усмехнулся Конрад и приказал: – Пей, а то не скажу ни слова.

Камбила осушил кубок и спросил:

– Так почему ваш орден, лучший орден, как ты сказал, не мог одолеть руссов?

Конрад взглянул на Камбилу. Лицо рыцаря было красно от выпитого, но глаза смотрели еще не пьяно. И добавил:

– Почему ваши боги не помогают вам?

Рыцарь зачем-то поднял пустой бокал. Оглядел его донышко, словно там был написан ответ. Поставил на место. Встал. Подошел к поставцу и принес оттуда мешочек с орехами. Высыпал часть на стол:

– Ешь.

Признаться, от выпитого у Камбилы появился аппетит. Но он ждал, пока первым возьмет орехи хозяин. Тот, пожевав несколько орешков, начал повествование.

– Это случилось лет тридцать-сорок тому назад во Франции. Слышал о такой стране? Камбила кивнул.

– Так вот там был орден тамплиеров. Этот орден долгое время находился в Иерусалиме. Это город, в котором было много памятных мест живого Божьего Посланца на Земле. Но Европа, раздираемая междоусобными войнами... Ик! – что-то в горле пересохло! Подвинь-ка! – он налил кубки и жадно сделал несколько глотков. И продолжил, на этот раз не забыв, где остановился. – Так вот, поэтому европейские владыки не смогли оказать там-

плиерам помощь, которые бились с неверными. И им пришлось с горечью покинуть Иерусалим. Они выбрали себе землю на юге Франции. Лангерон, так оно называлось, – пояснил он. И продолжил: – покидая Иерусалим, они взяли с собой чашу, она называется Грааль. Это Божья чаша. Перед своей казнью из нее Иисус Христос пил со своими учениками. Но про это долго рассказывать. Они привезли эту чашу с собой. Она длительное время помогла им приобрести могущество и богатство. Только эта чаша... – он долил кубки, сам отпил и закусил орешком, – так вот эта чаша имеет волшебную силу до той поры, пока тот, кому она принадлежит, будет верен Иисусовым канонам. Когда те их нарушили, к ним пришла гибель. Многие из нашего ордена считают, что нам надо ее найти и привезти к себе. Она поможет нам побеждать наших врагов. Магистр готовит людей для тайной поездки во Францию на поиски этой чаши. Если я окажусь в их числе, я-то возьму тебя с собой! – последние слова он произнес с подъемом, точно вручая ему какую-то высокую награду. – Только учти, – он строго посмотрел на него, – ты стал обладателем самой великой нашей тайны. И если... вдруг ты где-то... ты понял?

Камбила кивнул. Потом почувствовав, что благоприятный момент настал, предложил:

– Давай выпьем, чтобы сбылись все наши намерения.

– Давай! – охотно согласился рыцарь.

Когда выпили, закусили, Камбила, приняв безразличный вид, спросил:

– Скажи мне, Конрад, я тут как-то слышал, что в ваших стенах...

– Наших, – поправил Конрад.

– Пусть в наших, живет некий странный пленник. Литовец, что ли.

– А тебе зачем? – как-то ощерился вдруг рыцарь.

– Мне? Да, ни зачем. Просто так спросил.

– Слушай, а я все думал: на кого тот похож? А сейчас понял: да на тебя. Уж не родня ли ты с ним?

– Я? С ним родня? Ха! Ха! Я случайно оказался здесь. Только благодаря тебе. У меня нет братьев.

Лицо рыцаря просветлело.

– То, что ты здесь случайно, я могу подтвердить на любом суде. Поэтому никакого обвинения не может быть. И хочу тебе сказать: как только вернемся, я свожу тебя к нему, и ты убедишься в своей схожести.

Камбила показал свое безразличие:

– Я совсем к этому не стремлюсь. Мне этого не надо, – заявил он и посмотрел на Конрада.

Тот на глазах изменился до неузнаваемости. Лицо его осоловело, глаза стали какими-то стеклянными, глядящими куда-то вдаль. Он поднялся, сделал несколько неуверенных шагов в сторону лежака, качнулся так, что Камбиле пришлось вскочить и поддержать его. Он довел Конрада до лежака, на который тот рухнул, как сноп, и тотчас захрапел.

Камбила, убрав все со стола в поставец, забрал рыцарские «подарки» и пошел к себе.

Придя в свою келью, Камбила растянулся на лежаке, закинув руки за голову. Сон не шел, зато голова была забита разными мыслями. Но прежде всего он узнал, что брат его жив и находится здесь. Но как бы не подвела схожесть или бурная радость Руссингена при их первой встрече. Надо проникнуть к нему и предупредить, чтобы он не подал никакого намека на их родство. Поэтому требуется выиграть время. Скоро поход. До него он будет вести себя так, чтобы ни под каким нажимом туда не попасть.

Но он зря этого опасался. На другой день под вечер Конрад фон Вернер, одетый, как и другие, отнюдь не в рыцарские доспехи, большой группой двинулись из замка на восток. По всему чувствовалось, что эти люди не в первый раз делают такую вылазку. Все молчаливые, собранные. Вперед выдвинулось с десятков человек. Это были смотрители.

За ними Вернер и Камбила. В десятке шагов от них шел отряд с небольшим обозом. Все продумано, размеренно. Вернер ехал молчаливый, сосредоточенный. Камбила был этому только рад. Можно было подумать и о своей жизни. Он почему-то не опасался этого похода. Отряд налетит на безоруженных людей, отымет у них богатство, и... назад. Он, конечно, постарается, и... потом невольно его мысль перекинулась к той части разговора с Конрадом, в которой он поведал о московском князе. Даже не верилось, что есть правители, которые так поступают. Как, наверное, их любят подданные. Он даже тяжело вздохнул.

– Ты че? – повернулся к нему Вернер, – боишься, что ли?

– Я? Боюсь? Ха! Ха! Я просто... считаю, что мне принесет этот поход.

– А ничего, кроме рыцарской славы! У нас все идет в общий орденский котел.

– Я и забыл! – усмехнулся Камбила.

Чему-то улыбнулся и рыцарь.

Вернер довольно уверенно вел отряд глухими местами. Это говорило о том, что он здесь бывал неоднократно. Там не было людей, зато много зверья. В один из таких дней на небольшой лесной поляне их встретил сумрачный высокий человек с большой котомкой за плечами. Вернер, а за ним и Камбила подъехали к нему.

– Федор? – спросил Конрад.

– Федор, – ответил тот и добавил, – с ты десять гривни, – голос его был глухим, промороженным.

– Пять щас, остальные, когда вернемся, – по-русски проговорил Вернер и, достав кисет, отсчитал монеты.

Золото тускло блеснуло под холодным осенним солнцем.

Глава 11

Подшло время, когда природа, словно готовясь на предстоящему пиршеству, стала рядиться в новый наряд. Где-то накинула на плечи черный платок, где-то подпоясала себя широким золотым поясом, а где-то... Да разве обо всем расскажешь! И вот в окружении этой невыразимой красоты у Марфы протекала новая жизнь.

Лука да Марфа, дед да бабка, на молодую Марфу не могли нарадоваться. Красота ее их уже не тревожила, а вот то, что она была работящей, безотказной, доброй и отзывчивой, их подкупало. Они и не заметили, как она вошла в их душу, вытеснив даже родных детей.

Судьба Луки да Марфы была не редкой для Руси. С юности полюбили они друг друга. А встретились случайно, когда Лука со своими деревенскими на Пасху пожаловали в село, где проживала Марфа с родителями. Столкнулись, выйдя из церкви. Лука, увидев девицу, набрался смелости и... похристосовался. И запала она ему в душу. За два десятка верст стал он бегать в село, чтобы хоть глазком увидеть ее. Запал чужак и в ее душу. Да куда там! Кто спросит, чего хотят их сердца.

Ее выдали за зажиточного жениха. Для Луки подобрали зажиточную невесту, которую и за версту нельзя было поставить рядом. Но куда деться... Судьба! Погоревал, погоревал да смирился. Как казалось, быстро они забыли друг друга. Ан, нет. Судьба-злодейка отбросила свое злодейское лицо и повернулась к ним доброй сторонешкой. Марфа схоронила мужа, ушла в вечный мир и жена Луки.

Однажды Лука привез в село для боярина свою десятину. Собираясь в обратную дорогу, зашел в церковь. И надо же такому случиться: на том же месте он вновь повстречал Марфу. Его не опечалили ее морщинки на щеках, ее поблекшие волосы и усталые очи. Нет! Перед ним была та, цветущая и задорная девица. Плясунья и певица. Да и по ее взгляду было видно, что она не заметила его плешину, опустившиеся плечи, ссутулившуюся фигуру. Заискрылись его глаза. Зажгли они и ее взгляд.

– Христос Воскресе! – как тогда, проговорил он, напоминая этими словами их встречу.

– Воистину воскрес! – ответила она.

Ее ответ обрадовал Луку: «Не забыла, значит, помнила!»

Теперь им ничто не мешало. Дети стали взрослыми. У всех свои семьи, свои проблемы. Старые решили никому не мешать, не мозолить глаза и не давать повода для пересудов. Лука был отменным плотником. Полсела обустроил. Теперь настала его очередь обустроить себя. Выбрали они место в далекой лесной чаще, подальше от завистливых, осуждающих глаз. За зиму Лука подготовил лес. Когда отшумели ручьи, запряг жеребую лошаденку, к возку привязал коровенку. Погрузил «струмент», как он говаривал, кое-что из посуды, посадил Марфу и утром, на зорьке, пока село досматривало сны, в сопровождении верной Баски отправились они строить свою жизнь. Забились подальше, чтобы никто не нашел и не смог помешать их счастью, так неожиданно посетившему их. Но Марфа на селе слыла первой знахаркой. От матери да от бабки досталось. Вереница людей шла к ней за помощью. И редко кто был неудовлетворен. Из могилы людей вытаскивала. Когда она исчезла, всполошилось село, застонала и округа. И ударились люди в поиск. Разыскали.

Марфа-старшая стала к своему умению приучать и младшую. Толковой, а самое главное, желающей перенять знания оказалась младшая Марфа. Лука только ухмылялся, глядя, как они дружно готовили впрок зелье, собирали травы.

И вот однажды громкий лай щенят Баски возвестил о том, что к ним в очередной раз жалует непрошенный гость. Встретить его вышла младшая Марфа. И увидела она целый отряд каких-то воинов. Впереди – молодой, с мужественным лицом предводитель. Подъехав,

он спрыгнул с лошади и взглянул на деву, и, похоже, забыл, зачем он сюда прибыл. Он уставился на нее, точно на драгоценное изваяние. Его взгляд смутил девушку, и она с криком:

– Бабушка, это к тебе! – юркнула в избу.

Марфа-старшая вышла с тряпкой в руке. Но, увидев предводителя, встала, как вкопанная.

– Боярин?! – вопросительным голосом воскликнула она.

– Я, Марфа! Я! – бодро, радостно ответил тот.

– Как дорогу-то нашел? – спросила она, забрасывая по привычке вытеральник на плечо.

– Да добрые люди помогли.

– А-а-а! Но я вижу, ты не хвор. Че надоть-то?

– Да... вот батя у меня... плохой, – и он повернулся назад, давая сигнал.

Из-за спины воинов вышли четверо с носилками в руках. Над жердями виднелась чья-то седая голова. Легкий ветер, словно молодой травкой, играл ими.

Бабка подошла к нему. Лицо больного было желтым. Щеки впали. Глаза глубоко ввалились. Она бесцеремонно подняла ему одно веко и низко склонилась над больным.

– Че так позно? – выпрямляясь, спросила она.

– Дак пока ты разыщишь... – боярин вздохнул, поглядывая на дверь.

Бабка перехватила его взгляд. И жестким, до строгости, голосом, произнесла:

– Неча туды зырить.

Боярин встрепенулся и, почувствовав неловкость, стал оправдываться.

– Да я... так просто.

– Знаю вас... кобелев. Скажи, пущай несут в избу.

– Несите! – приказал боярин, оставшись на дворе.

Этим он как бы подчеркивал свое безразличие ко всему. На пороге он все же догнал старуху, шествовавшую во главе.

– Как он, выживет? А?

Та только взглянула на него и пошла вслед за носильщиками.

Больной был известным новгородским боярином Евстафием Дворянцевым, не раз избиравшимся посадником. А привез его к Марфе Федор, его сын. Марфа знавала Евстафьева давно. Был он тогда посадником. О нем говорили как об умном, волевом и энергичном человеке. Порой его требование доходило до деспотизма. Это, главным образом, касалось зажиточных людей, которые выворачивались, хитрили, чтобы как-то уменьшить свою долю в казну. Тут Евстафий был беспощаден.

Под горячую руку тайного претендента на его место попал боярин Лука Варфоломей. Евстафий не дал ему слабины, заставив выплатить полностью причитающуюся с того подать. Тот затаил злобу. Момент для мщения вскоре ему представился. Варфоломей подготовил Ивана Крутилу, знаменитого кулачного бойца и смутьяна, чтобы тот поднял людей против Дворянцева. А поводом послужило сильное вздорожание соли. Обоз с солью купца Григория Ляпы был кем-то похищен. Охрана перебита, и товар исчез неизвестно куда. Крутила с друзьями стал орать на Ярославовом Дворике, что это дело рук посадника.

– Нажиться за щет нас хочет! – орал он.

Народ зажегся подобно сухой соломе. Евстафий только после обеда прилег отдохнуть, как в хоромы ворвалась взбешенная толпа. Она выволокла посадника во двор и стала избивать, требуя сказать, куда тот дел обоз с солью. Что посадник мог сказать, если он к делу не имел никакого отношения? Но кто из разъяренных мог это слышать? Били до тех пор, пока кто-то из них не крикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.